

Олег. Путь к себе

Автор:

Сабина Янина

Олег. Путь к себе

Сабина Янина

Первая книга дилогии, входящей в цикл "За горизонт". Она раскрывает мир, описанный в книге "Первый шаг", но новой историей и новыми героями. Двадцать третий век на планете Земля. Наступило время, которое каждый из нас назвал бы светлым будущим. В нём нет границ, нет власти денег, каждый свободно может реализовать себя, он толерантен и свободен от предрассудков. В этом мире живёт Олег – молодой амбициозный учёный-астрофизик. У него любимая жена, признание в науке, блестящие перспективы. Живёт вполне себе счастливо, до тех пор, пока однажды мир его не перевернётся. Нет, внешне всё останется по-прежнему: та же работа, та же любимая жена. Но как же так получилось, что она стала невыносимо чужой, что он чуть не убил человека и потерял всё, что имел? Эгоизм, несовместимость или судьба, которая приведет его туда, где он откроет другой мир, вернее себя для мира? Это книга о тебе, читатель. О том, кто ты и зачем пришёл в этот мир.

Сабина Янина

Олег. Путь к себе

Пролог

Приветствую Вас, Читатель! Позвольте представить вторую книгу цикла «За горизонт».

Первая книга "Первый шаг" – это история о том, как человечество создало, наконец, то, к чему стремилось многие столетия, общество социальной справедливости. Объективно это стало возможным только тогда, когда исполнение законов было передано от произвола чиновника искусственному интеллекту – точному и беспристрастному помощнику людей.

Свершилось! Не правда ли, достигнут предел мечтаний? Вот она – вершина эволюции, вот оно – долгожданное счастье! Но так ли? Об этом расскажет новая книга. О чём же она?

Идёт пятое десятилетие после того, как двадцать первого сентября две тысячи двести пятьдесят первого года Первый Конгресс Землян провозгласил Основной Закон – Декларацию о Сотрудничестве.

Утряслись волнения, и течение жизни в новом русле стало привычным. Но счастлив ли человек? Довольно ли удовлетворения чувства социальной справедливости для того, чтобы он почувствовал осмысленность своей жизни?

Об этом следующая история.

Знакомьтесь: героя романа «Олег. Путь к себе» – Олег Иванов – обычный учёный, обычный человек своего времени с необычной судьбой.

Глава 1. Утро счастливого дня

Я смотрел на себя и улыбался. Улыбался тому, каким воодушевлённым был молодой человек на сцене огромного сферического конференц-зала «Территории Открытий». По моему запросу «наблюдение из зала» голограмма развернула объёмную картинку вчерашнего заседания учёного Совета Земли. Мне необходимо было оценить своё выступление со стороны, чтобы понять впечатление, которое оно произвело и, главное, результат, какой за ним может последовать. От этого выступления зависело многое. И не просто подтверждение научной значимости результатов нескольких лет упорных исследований, но признания меня как учёного достойного высшего социального уровня, и это в тридцать два года! Я не помню, чтобы кто из моих

многочисленных знакомых и друзей могли похвастаться подобным. А я смогу! Радостное тепло предвкушения пьянило, хотя крохотный червячок сомнения всё же не давал покоя, заставлял ещё и ещё раз просматривать запись, вглядываясь в каждое движение, вслушиваясь в каждое слово. Не ошибся?

Камера едва успевала за порывистыми движениями молодого человека, когда он, забыв о лазерной указке, казалось, сам стал ею, показывая зрителям слайды, мелькающие на экране, словно свои материализовавшиеся мысли. Невысокий, худой, с короткими светлыми волосами, падающими на лоб, из-под которого пылливо смотрели в зал глаза, вспыхивающие синими искрами, то ли от яркого света софитов, то ли от внутреннего порыва, с которым он говорил:

«Наши исследования касались изучения био-энергии – энергии, выделяемой живыми организмами Земли, и поиска законов её распространения в космосе.

Напомню, что приближённо охарактеризовать структуру Вселенной можно следующим образом:

доля обычного вещества (протонов, атомных ядер, электронов) в суммарной энергии (массы) Вселенной – 5%;

нейтрино – до 3%;

до 0,5% – звезды,

остальная часть – это непроявленная Вселенная, в которой 65 – 70% занимает тёмная энергия и до 25% тёмная материя.

Так вот!»

Я почувствовал, как нежные губы коснулись моего затылка, и вздрогнул.

– Я тебя напугала? Прости! – моя жена Фёка прижалась щекой к моей щеке, разглядывая голограмму. – Смотришь Совет? Я так рада за тебя! Я всегда знала, что ты у меня такой! – она уселась ко мне на колени. Её губы коснулись ямочки на моем подбородке, скользнули по шее к уху, которое она чуть-чуть прикусила.

Я засмеялся, отстранился и, обхватив ладонями её милое лицо, принялся целовать в едва заметные веснушки, рассыпанные по белоснежной коже, пахнущей горьковато-мускусной сладостью только что сорванной розы. До сознания уже едва долетали фразы:

«В ходе наблюдений мы открыли корреляцию био-энергии, которая, как предполагалось, относится по структуре к обычному веществу проявленной Вселенной, с непроявленной её частью. Нами обнаружены элементы идентичности и взаимосвязи тёмной материи космоса с энергией мыслеобразов человека и с биотоками, выделяемыми им при физических действиях; а также элементы идентичности и взаимосвязи тёмной энергией космоса с чувсто- потоками живых существ. Обратите внимание, подобный эффект наблюдался при исследовании не только человека, но животных и даже растений!».

– Какой такой? – предвкушение радости утреннего секса горячей волной пробежало по телу, напрягая его.

– Такой... такой замечательный учёный..., – чуть задыхаясь, произнесла она, ловя мои губы и прижимаясь.

Мои руки скользнули под её лёгкую ночную тунику. Забыв обо всем, я гладил, чуть сжимая, её небольшие упругие груди.

«Это позволило нам сформулировать гипотезу о том, что любое живое существо при физическом проявлении (жизни) постоянно выделяет в космос различные виды энерго-потоков, которые по закону сохранения не могут быть уничтожены, если мы рассматриваем нашу Вселенную как замкнутую систему. Более того эта энергия должна быть где-то аккумулирована по закону притяжения, когда подобное притягивается подобным, и потому, как мы полагаем, аккумулируется в непроявленной части космоса. Энергия мыслеобразов и физических действий достаточно конкретизирована, имеет большую плотность, а потому в космосе коррелирует с тёмной материей. Остальные виды энергии, имеющие более тонкую, более высокую вибрацию коррелируют с тёмной энергией. Мы полагаем, что этот процесс обратим. При возникновении физико-химических (проявленных) условий для существования живых организмов на той или иной планете, тёмная материя и тёмная энергия космоса не только одушевляют физически проявленную материю космоса, наделения её био-энергией, но и задают вектор развития (возможного проявления), который соответствует создавшимся условиям».

Девушка застонала, когда моя ладонь легла между её ног, пальцы раздвинули губки, покрытые мягкими кудрявыми волосками, и проникли в нектар жаркого женского лона, лаская. Она изогнулась, голова её запрокинулась, отчего золотисто-рыжие вьющиеся волосы мягко рассыпались почти до пола. Я почувствовал, как напряглись её бедра, и втянулся живот. Ухо обдал жаркий шёпот:

– Ах, миленький, пойдём в спальню...

Я молча продолжал ласкать её. Губами поймал сосок и поиграл с ним языком, и когда лёгкая дрожь пробежала по её телу, на мгновение оторвался от неё, спросил, чуть охрипшим голосом:

– В спальню? А Клео там?

– Нет, она ... пошла го...готовить завтрак, – прерывающимся от желания голосом, прошептала она.

– Это хорошо..., – мои пальцы скользнули дальше, чувствуя, как их ритмично сжимает влажно-податливая плоть.

Она застонала сильнее, и я, не выдержав напряжения, подхватил на руки зовущее тело, и понёс в спальню.

Вслед нёсся торжествующий голос с позабытой голограммы:

«Мы стоим на пороге грандиозных открытий! Возможно, жизнь, которую мы так упорно ищем на других планетах, разлита по всему космосу в непроявленном виде, ожидая только возникновения нужных условий для проявления. Мы в начале исследований, но представьте, какой переворот в науке будет сделан, если будет доказана эта гипотеза! Решить вопрос о том, есть ли жизнь на той или иной планете, и на каком этапе развития она находится, можно будет, не организовывая многолетние космические экспедиции, а изучая спектральный анализ тёмной материи и тёмной энергии вокруг неё! Кроме того, непроявленный космос – это своего рода база данных прошлых, существующих и будущих, ждущих проявления, миров. Космос безграничен для человеческого понимания, и то, что для нас будущее для кого-то или чего-то уже прошлое,

аккумулированное в непроявленной его части. Научившись управлять тёмной энергией и тёмной материей, человечество может получить доступ к её идентификации (проявлению)! А это прямой путь к путешествиям во времени не только на нашей планете, но и во Вселенной! Мы сможем „мёртвые“ планеты, имеющие подходящие на то условия, наделять жизнью! И именно теми видами жизни, которые оптимальны для нас. Да сколько ещё безграничных возможностей откроется перед человечеством, которое изучит энергию непроявленного космоса и научится использовать законы её функционирования!»...

Дверь в спальню захлопнулась.

Что может больше всего порадовать после хорошего утреннего секса? Конечно, только сытный завтрак! А что может больше всего досадить? Конечно, же, недовольная физиономия Клео. А уж интерьер, который она выбирает, тут вообще нет слов.

Вот и сейчас, перенастроила нашу столовую в какую-то тёмную коричнево-серую первобытную пещеру, и что-то колдует около очага, прямо на открытом огне, похоже, печёт что-то, по запаху омлет с ветчиной. Я недоуменно посмотрел на Фёку. Та, улыбаясь, пожала плечами:

– А что, миленько!

И потащила меня к огромному камню, лежащему в центре столовой, с четырёх сторон которого стояли низкие тоже каменные скамьи. Я уселся. Не могу сказать, что было неудобно: камень гладкий и тёплый, видимо с подогревом, но общий вид столовой был в таком контрасте с моим праздничным настроением, что я чувствовал себя не в своей тарелке. А Фёка замурлыкала:

– Ну что ты! Пусть так немножко побудет, даже забавно, а потом перепрограммируем.

Клео – наша официальная сожительница: несмотря на то, что я её терпеть не могу, жена от неё без ума, это она настояла, чтоб женщину зарегистрировали в нашу семью. Я было возмутился, но особо не препятствовал, любя Фёку: Клео –

отличная массажистка, и её порекомендовал жене врач, когда после неудачного похода в горы, она, альпинист-спасатель, упала со скалы и повредила позвоночник.

Да, у моей нежной Фёки совершенно мужская профессия. После окончания Университета катастроф она выбрала специализацию альпиниста, который ищет и спасает любителей, которых за каким-то несёт дикарями (это в наше время!) в горы, где они умудряются найти именно то место, куда обязательно должна свалиться лавина.

Я понимаю жену. Думаю, её странный выбор профессии – следствие детской душевной травмы после потери родителей, альпинистов-спортсменов, которые погибли в горах, когда Фёке едва исполнилось пять лет.

Но понимать одно, а принимать совершенно другое. Но разве её остановишь? Маленькая, с виду хрупкая, но такая сильная и упрямая! И вот результат. Но, как говорится, нет худа, без добра. Я был очень рад, что теперь Фёка оставила своё увлечение альпинизмом и ограничилась только нашими туристическими вылазками в горы. Мои переживания о том, что её ждёт судьба родителей, поутихли.

Конечно, позвоночник успешно восстановили, но травма, несмотря на все современные технологии, изредка давала о себе знать до сих пор, хотя прошло уже почти два года. Вот тогда-то нам и посоветовали эту массажистку.

Клео – крупная женщина с сильными руками и ногами, но медлительна, должно быть из-за своих больших размеров, и неуклюжа. Мне она напоминает ходячий кусок скалы. Особенно рядом с моей женой, которая кажется ещё более хрупкой и нежной от такого соседства. Может потому Клео и смотрит на жену с таким подбострастным обожанием и нежностью. Наверное, даже мать так не смотрит на своих детей, которых, кстати, у неё нет. А может и некстати... «Лучше бы вышла замуж и занималась своими детьми», – такая мысль всё чаще приходила мне в голову, когда я смотрел на её неуклюжую улыбку, с которой она неотрывно следила за моей женой.

Мне массажистка не нравилась. Внешность у неё была отталкивающая: нескладную крупную фигуру украшала маленькая голова с ёжиком чёрных жёстких волос, делающим ещё более квадратным её лицо с густыми такими же

чёрными жёсткими, сросшимися на переносице, бровями. Из-под них она неприязненно посматривала на меня маленькими глазками с набрякшими над ними вечно воспалёнными веками. Обычно лицо её мало что выражало, была какая-то неподвижная угрюмость в массивном, словно вытесанным топором, подбородке, широком чуть приплюснутом носе и крупном толстогубом рте. И что жена в ней находила? Я был категорически против, когда однажды она мне заявила, что хочет чтобы массажистка стала нашей сожительницей. Возмущению моему не было предела: такую образину и в сожительницы?! Я даже заподозрил, что Фёка разлюбила меня, и хочет отбить всякое желание на интимную жизнь. Нельзя же в самом деле представить себе сожительницей такое!

Мы тогда здорово поругались, я выгнал Клео вон, и пару дней мы с Фёкой дулись друг на друга. Нет, я не ханжа и совсем не против свободных отношений. Свобода – главная ценность в нашем мире. Я, как нормальный молодой мужчина, был очень даже за! Но зачем же такое... Потом, мы, конечно, помирились. А через неделю Фёке стало хуже, и понадобился массажист. И что я мог поделаться? Массажисткой Клео, и правда, была непревзойдённой, а Фёке нужно было лечение. Единственное на чём я настоял было то, чтобы я не видел их ласк, достаточно мне было слышать, какие порой стоны вызывал «массаж» Клео у моей жены, да утробные сладострастные вздохи самой массажистки. В принципе все было нормально, как говорится, каждый развлекается, как может. А Фёка до совершеннолетия воспитывалась в многодетной детской семье. Видимо, там и нахваталась этих современных взглядов на жизнь. Всё-таки детская семья не родная, и там не столь любят детей, сколько стараются воспитать из них законопослушных толерантных членов общества. Вообще, если считать Клео массажисткой жены и помощницей по хозяйству, и на остальное закрыть глаза. Хотя... будь Клео посимпатичнее, я был бы не против поразвлечься втроём, а так увольте, наших отношений с женой мне вполне хватает. И всё бы ничего, если бы не патологическая ревность Клео. Это удивительно, как она меня ненавидит, даже цвет глаз менялся с тёмно-медового, когда она смотрела на жену, до чёрного, когда её взгляд останавливался на мне. Может быть это оттого, что у неё моя Фёка – первая любовь, как говорит жена? И это в тридцать пять лет! Стоит, наверное, пожалеть бедняжку. Ладно, пусть себе.

От мыслей меня отвлёк резкий звук: Фёка вскочила из-за стола и кинулась вон из столовой, прикрывая рот рукой. Я удивлённо проводил её взглядом и глянул на Клео. Та покосилась на меня и уткнулась в тарелку, ела омлет, как ни в чем не бывало.

– Клео, в чем дело? Что с Фёкой?

– А мне почём знать? – буркнула она.

Фёка вернулась быстро. Села за стол и как-то виновато взглянула на Клео, та даже не взглянула на свою любимицу.

– Что с тобой? Ты не заболела?

– Нет, миленький, не беспокойся, все хорошо. Так, съела что-то, наверное.

– Да что такого ты могла съесть? А может..., – я с надеждой выпрямился. – И давно у тебя?

– Нет, – она взглянула на меня и покраснела, – ну да, похоже, я беременна.

Клео поджала толстые губы, тяжело поднялась из-за стола и стала собирать посуду.

– Как, – прошептал я, потянулся к Фёке и взял её за руку, – в самом деле?

– Кажется, да, – ответила она, посматривая на Клео, которая гремела посудой.

Кровь прилила к моему лицу, я радостно воскликнул:

– Фёка! Родная! Наконец-то! И как все здорово складывается. Сегодня у нас аттестация. После моего доклада, я почти уверен, что присвоят последнюю ступень шестого уровня, а это очень даже неплохая прибавка! Я сегодня же установлю возможный максимум отчислений для моей беременной жёнушки! Ты ни в чем не будешь себе отказывать.

– Дай же мне поесть, – засмеялась Фёка, отнимая руку.

Я отпустил её. Она снова посмотрела на Клео, которая мыла посуду, но, поймав мой взгляд, уткнулась в тарелку. Я уже заметил, что когда Клео чем-то очень расстроена, то забывает о принте: куда легче, практичнее, да и гигиеничнее

аннигилировать грязную посуду и из полученного материала создать всё что угодно, любого цвета, формы и даже размера, варьируя на толщине. Достаточно нажать пару кнопок на принтере. Нет! Она принимается мыть посуду сама. Будет полоскаться в грязной воде, и ещё, чего доброго, в следующий раз её же выставит на стол. Неряха! А может она так себя успокаивает? «Странно, что это так её расстроило, уж не беременность ли Фёки? Ей-то что?», – неприятная мысль испортила настроение.

– Клео, нам нужно поговорить с Олегом наедине. Не могла бы ты..., – Фёка просительно смотрела на каменную спину массажистки. Та недовольно повела плечом, на мгновение сунула руки под сушилку и вышла.

Я, улыбаясь, смотрел на жену.

Она водила вилок по тарелке и молчала, словно не решаясь заговорить, наконец, вздохнула и тихо сказала:

– Ты знаешь, я тут подумала, может нам пока рано заводить ребёнка? Мы ещё так молоды! Тебе сейчас присвоят высший статус и, скорее всего, дадут отпуск, – она с надеждой взглянула на меня. – Давай поедem куда-нибудь отдохнём? Миленький, ты давно не отдыхал, смотри, как похудел! Так и заболеть недолго.

Я засмеялся, встал и, подойдя к ней, обнял за плечи и поцеловал в голову:

– Заботливица моя! Да без проблем, если хочешь, то поедem! Выбирай куда. Но чем помешает путешествию беременность? Я думаю, ты просто пока ещё не обращалась к врачу, он быстро снимет все негативные последствия беременности.

– Да, но, – Фёка зябко повела плечами, отодвигаясь от меня, и потянулась к кофейнику. – Кофе будешь?

– Никаких «но»! – я сел за стол. – Налей, пожалуй.

– Станный ты какой-то, – она разливала кофе по чашкам, недовольно надув губки. – Ну, кто хочет детей так рано! Мне всего двадцать восемь, а

забеременеть я могу хоть в шестьдесят. Куда торопиться? Никто раньше сорока детей и не заводит.

Я оторопел:

– Да, ну, конечно... Я бы так и ничего. Но не делать же аборт! Это же наш с тобой ребёнок. Ты с ума сошла?!

– Да это ещё совсем и не ребёнок, срок маленький, – она с надеждой снизу вверх заглядывала мне в глаза.

– Фёка, – я вытаращил на неё глаза, – ты что, не хочешь ребёнка?

Она помолчала, виновато глядя на меня, и едва слышно сказала:

– Ну, почему же... Хочу. Я же знаю, как это важно для тебя.

– Для меня?!

– И для меня тоже, – спохватилась она. – Давай завтракать, а то ты опоздаешь.

– Ну, так вот, выбрось из головы дурные мысли. Ты будешь отличной мамой.

Она молчала, только в обычно прозрачных светло-зелёных глазах её вдруг мелькнула тень, чуть раскосые глаза потемнели и смотрели отчуждённо. Это было так непривычно, что я растерялся и не знал, что и сказать.

Окончание завтрака прошло в молчании.

У порога она привычно поцеловала меня:

– Миленький, не переживай, я люблю тебя! Всё будет хорошо!

Я наклонился поцеловать её и заглянул в глаза: они по-прежнему сияли спокойным прозрачным изумрудным светом.

– Я тоже тебя люблю.

Однако праздничное настроение улетучилось, хотя сегодня и был именно тот день, когда свершались мои мечты.

Глава 2. Отец

Приветствую, Олег! – бодрый голос автопилота вывел меня из задумчивости, – Маршрут первый?

– Да, на работу. Как сегодня дороги?

Через несколько секунд тишины бортовой помощник сообщил:

– Свободен наземный тридцать пятый и воздушный второй.

– Давай по тридцать пятому.

– Тридцать пятый на тридцать минут дольше воздушного.

– Ничего. Всё лучше, чем болтаться между домами. Успеваю. Прими управление.

– Управление принял.

Аэромобиль едва заметно вздрогнул и начал выруливать из подземной парковки.

– Что-нибудь хотите? Еда? Напитки? Новости? Музыку? Погово...

– Ничего, отстань.

– Приятной поездки!

Машина уже мчалась по закрытой автомагистрали тридцать пятого маршрута. Я посмотрел в окно. Где-то метрах в ста плескался лазурный безмятежный океан. Мимо проносились пальмы, набережная с гуляющими, белая полоска пляжа, расцвеченная зонтами-дозаторами, под которыми загорали обнажённые тела.

– Что за фон настроен в окнах? Ты сбрендил? Откуда такая романтика?

– Ваша жена так захотела. Вчера она ездила по магазинам. Доступ ей открыт со дня приобретения аэромобиля. Доступ закрыть?

– Нет, конечно. А что с её машиной? Запроси данные с борта.

Пару минут автопилот молчал, мигая зелёным глазком связи.

– Всё в порядке. Профилактика. К 21:00 машина будет на парковке, – наконец услышал я ответ.

– Ясно. Хорошо. Но фон смени на нормальный.

– Хотите видеть Элизиум?

– Ну, не в зелёную же стену пялиться!

– Задание не понял, повторите, пожалуйста.

Я вздохнул и постарался взять себя в руки. Чего срываться на автопилоте? Глупо. Надо успокоиться, а то и ребятам на работе испорчу настроение. А у нас сегодня праздник.

– Убери из обзора зелёное ограждение трассы, открой панораму города.

Зелёная стена автомагистрали растаяла, и я увидел Элизиум. Начало июня, а Элизиум всё ещё в цвету, как в мае. После того, как люди узнали об открытии Глеба Лунна, новый вид фито-энергии растений постепенно осваивался ими, и Элизиум превращался из огромного мегаполиса стекла и металла в безбрежный сад. Город прекратил рост вверх, и устремился вширь, охватывая всё большую территорию. Зелёная волна, а скорее огромный девятый вал вспенивался бело-

розовым кружевом цветущих растений, набегая на многоэтажки, бился о металл и стекло небоскрёбов центра и отступал, дробясь на всё меньшие и меньшие валы-дома. Их сменяли лёгкие волны изумрудных малоэтажных зданий, которыми спокойно и безбрежно разливался город до самого горизонта. И только пятна островов: возделанные поля многочисленных ферм, голубых озёр, окружённых естественным лесом да широкие ленты рек, убегающих вдаль, нарушали рукотворный симбиоз мегаполиса и природы.

Ещё учась в Университете Наукограда на астрофизическом факультете, я любил летать на маленьком школьном аэромобиле над этим живым, едва колышущимся зелёным городом-океаном. Я чувствовал его мощь, сдерживаемую чёткой геометрией мысли, угадываемой в ровных тёмно-зелёных линиях трасс и более светлых, почти изумрудных нитях разбегающихся от них дорог – контурах гармонии, соединившей природу и творчество.

Человек вернулся к почти уничтоженной им природе, восстанавливая её, сливаясь с нею, оставив обнажённо-искусственным лишь центр Элизиума, сверкавший сейчас под жарким июньским солнцем гранями кристаллов-зданий всевозможных форм и размеров. И выше всего сияющей иглой выстреливала в молодое весёлое небо Башня Мира (Башня Хранителей, как называли её старожилы, хотя уже пятьдесят лет прошло с тех пор, как на Земле закончилась их власть).

Я мчался к центру Элизиума, в Наукоград, в свою обсерваторию, где уже четвёртый год возглавлял лабораторию астрофизиков. Передав управление автоматике, скользил рассеянным взглядом по стенам домов, скверам с уже гуляющими в этот ранний час родителями с детьми. А может быть это роботы-няньки неспешно катили коляски со спящими малышами.

Я отвернулся от окна и закрыл глаза. Одна фраза не давала мне покоя, всё крутилась и крутилась в голове: " Ну, почему же... Хочу. Я же знаю, как это важно для тебя. Я же знаю, как это важно для тебя. Я же знаю, как это важно для тебя".

Я тряхнул головой. «Вот привязалась!»! Тревога змейкой шевельнулась в сердце: «Получается мы с Фёкой совершенно разные. И желания у нас разные. Как у чужих. Для каждого ценно и важно что-то своё. И только из благосклонности и физической привлекательности терпим желания другого, пока они, эти желания, не столкнутся в противоречии. Как же так случилось? Я был абсолютное

уверен, что мы с Фёкой как одно, и душой, и телом. И что? Выходит только телом? Как просто она сказала: – Я же знаю, как для ТЕБЯ это важно. А для неё, значит, неважно? Бред какой-то, – я потёр ладонью лоб. – А для меня важно? – Я задумался. Мне вспомнился отец. Я всегда вспоминал о нём, когда был чем-то встревожен или не знал, как поступить. Мысленно советовался с ним.

Отец... За день до моего семнадцатого дня рождения он, отключив автопилот и защиту аэромобиля, на всей скорости врезался в бетонную стену. Ему было только сорок пять. Говорили, что произошёл несчастный случай из-за сбоя автокомпьютера, и отец не смог справиться с управлением, потому что был пьян. Но я не верил этому. Сбои, конечно, редко, но бывали, но дверца машина никогда не откроется, если водитель пьян. Никогда.

Я знал, что случилось на самом деле. Я точно знал, что отец сам ушёл из жизни. Он уже давно умер, ещё тогда, когда мама, едва я родился, ушла от нас.

«Она тоже не хотела ребёнка. Не хотела, чтобы я родился, – мелькнуло в голове. – Отец настоял».

Он столько раз повторял, что не жалеет, что я наконец почувствовал, как же он жалеет, когда отец тяжёлой рукой гладил меня по голове и смотрел потухшими глазами. Нет, он любил меня, но любил по-своему. Очень жалел, а иногда ненавидел, так ненавидел, что желваки ходили по его скулам. Он говорил, что я очень похож на маму. Особенно глазами, которые обычно ледяные прозрачно-синие вдруг загорались синими искрами, если что-то сильно её волновало. Такие глаза были и у меня. И потому, когда я особенно шалил и баловался, отец не злился, а глаза его теплели. Он был добрым отцом, но очень слабым человеком. Любил ли я его? Не знаю. Когда был маленьким, должно быть любил, как все дети, считал своего папу самым лучшим на свете, прислушивался и подражал ему.

Помню, отец любил чеканку, и все стены в нашей квартире были увешаны портретами мамы. Я любил следить, как самозабвенно он постукивает молоточком по медной дощечке, и тянулся что-то сделать сам. Как сейчас вижу, отец отдаёт мне молоточек и показывает тонкие линии, по которым нужно пройти, и я, сосредоточенно сопя, осторожно тюкаю молоточком, а он,

улыбаясь, смотрит на меня, изредка пригубливая флягу, которую всегда носил на поясе, и гладя меня по голове. Потом какое-то неуклюжее движение, и глаз у мамы растекается, а отец в бешенстве выхватывает у меня из рук инструмент. Как безумный трясёт за плечи. Мне так страшно, что я сжимаюсь в комок, и он, видя это, тут же берет себя в руки. Толкует мне, что я обидел маму и чуть не выколол ей глаз. Я рыдаю, а он поднимает меня, прижимает к себе и целует. Я потихоньку успокаиваюсь, мир восстановлен, но отец больше не подпускает меня к почти готовой чеканке, а просто даёт пустой лист и позволяет самому что-нибудь сделать. Но я не делаю. Мне не нравится выбивать на пустом листе животных или людей. Мне нравятся только портреты мамы. Но я не умею портрет. Я не помню её совсем, а отец никогда о ней не рассказывал, только про глаза... Но мне хотелось большего, хотелось знать о ней всё и самое главное, где она и почему её нет с нами. На мои настойчивые вопросы отец просто отмахивался, а когда я сильно доставал его, говорил, что мама не хочет нас знать, и нас тоже не должно заботить, где она и что с ней. Но я не верил, что мама забыла нас. Наверное, случилась какая-то ужасная тайна, которая не позволила нам быть всем вместе. Уже позднее я понял, как самозабвенно отец любил её, до безумия, которое, в конце концов, и оборвало его жизнь.

Если признаться честно, никогда больше я не встречал такой любви. Я надеялся, что у нас с Фёкой... Но, похоже, у нас было так же, как и у всех. А у всех было по-разному. Даже в моём классе почти половина ребят жили только с матерью или с отцом, а другая половина с несколькими матерями или отцами. Да в принципе, нам, школьникам, было абсолютно всё равно, у кого какая семья и у кого какие родители, мы об этом и не думали. Нас заботил только личный успех и социальный статус.

Но мне было не всё равно. Сколько себя помню, я всегда мечтал, что однажды мама вернётся, и мы будем жить все вместе: мама, папа и я. Как я завидовал своему другу Гришке, у которого были и мама, и папа! Как у меня щемило в груди, когда за Гришкой приходили родители, и он, держа их за руки, шёл между ними, весело подпрыгивая. Ночью я смотрел на медное лицо мамы на стене напротив моей кровати, и мне казалось, что и она смотрит на меня. В лунные ночи тени оживляли её лицо, и мама мне улыбалась, а я счастливый засыпал, и во сне шёл между отцом и мамой, держа их за руки и весело подпрыгивая.

Но так было в начальной школе, потом прошло, вернее, спряталось куда-то глубоко в подсознание. В средних и особенно в старших классах, когда мы,

ученики, стали изучать анатомию человека и безопасный секс, когда я почувствовал осознанное влечение к другому человеку, моя жажда семьи, семьи древне-стандартной, как её называли в учебниках, переросла в неприятие однополых отношений. Но это было недопустимо, и чтобы успешно переходить по образовательным ступеням, я тщательно скрывал свои чувства, но уже тогда, приглядываясь к девчонке, я думал о ней, как возможной жене и матери нашего будущего ребёнка.

Чем сильнее меня влекло к женщинам, тем лучше я понимал отца. Понимал и жалел. Я увидел, что он спивается от того, что не мог забыть и простить мать, и чем старше и самостоятельнее становился я, тем меньше интереса к жизни оставалось у него. Не знаю, что я тогда больше чувствовал к отцу жалость или злость. Слабый человек, который заиклился на своём чувстве и не реализовал себя, хотя было столько возможностей! Вот кем был для меня отец. Моя жалость боролась с пренебрежением и в тот самый день за два дня до несчастья ...

Тогда я пришёл из школы в отличном расположении духа: был сдан последний экзамен на выпускную школьную ступень, впереди лето, и наш класс через неделю должен был на целый месяц уехать отдыхать на море.

В прихожей, как обычно бросил Полу – нашему роботу-помощнику – уличную одежду и обувь и пошёл к себе. Пол принялся раскладывать вещи в шкаф, сообщив, что обед будет готов через пятнадцать минут.

Моя комната находилась в конце длинного коридора, из которого, помимо моей, вели двери в кабинет отца, в его спальню и в гостиную. Проходя мимо гостиной, я услышал голоса: мужской и женский. У нас почти никогда не бывали гости, отец их терпеть не мог, а мне больше нравилось самому ходить к друзьям. Я удивился и толкнул дверь. Напротив отца в глубоком трансиде, откинувшись на его спинку, сидела женщина. Я плохо разглядел её лицо, она сидела спиной к окну и солнцу, клонившееся к закату, освещало её силуэт тёплым светом. Меня поразили её волосы – огромная копна светлых пушистых волос золотым ореолом окружала голову.

Когда я вошёл, они замолчали и посмотрели на меня.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, здравствуй, – глубоким грудным голосом откликнулась женщина.

Я оробел. Отец встал и шагнул ко мне, будто хотел защитить. Женщина засмеялась.

– Ты что боишься меня? – спросила она – Подойди, не бойся, ты уже взрослый мальчик!

Я подошёл. Холодные прозрачные синие глаза её с лёгкой усмешкой оценивающе смотрели на меня. Рассмотрев с головы до ног, она чему-то своему кивнула, будто подтверждая какую-то мысль и сказала:

– Ну, давай знакомится, я – твоя биологическая мать – Полина, – и протянула руку.

Я стоял и смотрел на неё во все глаза, как истукан, не шевелясь. Она недовольно поджала ярко накрашенные морковного цвета губы, опустила руку и взглянула на отца:

– Воспитанием мальчик не блещет. Почему ты вообще не отдал его? Мог бы сделать карьеру, а то так и остался на нижней ступени пятого уровня.

– Нам хватает, – мрачно ответил отец.

Она фыркнула и отвернулась. Отец подошёл и обнял меня за плечи:

– Иди в свою комнату, нам с Полиной надо поговорить, – и слегка подтолкнул меня к двери.

– Подожди! Подойди поближе! – мама поднялась.

Я взглянул на отца, тот кивнул, и я приблизился к ней.

Она что-то набрала на своём браслете и протянула руку:

– Приложи свой, синхронизируй.

Я поднёс свой браслет к её. Через несколько секунд она села и сказала:

– У тебя теперь есть мои координаты, если что понадобится, соединишься со мной. По пустякам не беспокой, – капризно скривив рот, добавила она. – Только в серьёзных случаях. Понял?

Я кивнул.

– Хорошо. Теперь ступай!

Я вышел. Как я добрался до своей комнаты, я не помню. Помню, что рухнул на трансид и, закрыв глаза, слушал, как сердце бешено колотится в груди.

«Зачем она явилась? Может, хочет меня забрать к себе? А как же отец? Что ей надо? А может она хочет вернуться? – мысли метались в голове. Я вспомнил помолодевшее лицо отца, его горевший взгляд и упрямо сжатые губы, – нет, не за этим она пришла».

Не помню, сколько времени я просидел так, смотря в потолок и прислушиваясь к каждому шороху. Звук хлопнувшей входной двери подбросил меня с места, я кинулся к отцу. Он был там же. Стоял у окна за трансидом, в котором совсем недавно сидела она. Сердце моё болезненно сжалось, таким поникшим и сгорбленным я никогда его не видел. И всё же я спросил:

– Куда ты мог отдать меня? Ей? Она хотела, чтобы я жил с ней?

Отец молчал. Казалось, целую вечность он молчал. Потом ладонью провёл по лицу, словно стирая с него что-то, и обернулся:

– На государственное обеспечение.

Я вздрогнул, как от удара.

– Иди к себе, – поморщился отец, словно от боли, – я хочу побыть один.

Ночью мне снился сон моего детства. Мне снилось, что я совсем ещё маленький иду между отцом и мамой, держась за их руки. У мамы золотые волосы и синие

ласковые глаза, а отец совсем молодой и ещё не седой, весело смеётся.

Утром я никак не хотел просыпаться, цепляясь за это редкое чувство счастья. Таким я и запомнил его, это счастье – смеющийся мужчина, женщина с ласковыми глазами и ребёнок весело подпрыгивающий, держась за их руки.

Через два дня отца не стало, а я удалил координаты матери, навсегда вычеркнув её из своей жизни, и я переехал в студенческое общежитие.

И вот теперь моя Фёка беременная! У нас будет ребёнок. Совсем скоро наяву я почувствую то счастье, которое снилось мне в детстве, которое навсегда поселилось в моей душе несбыточной мечтой. Несбыточной.... После гибели отца я не верил, что такое возможно со мной. И только после первой близости я поверил и рассказал о своей мечте моей любимой. И я не ошибся, увидев, как радостно откликнулась Фёка. И что теперь?

«Фёка не хочет ребёнка? Глупость какая! Я же знаю мою Фёку!, – я потянулся, – это Клео сбивает её с толку. Надо выгнать эту дуру. Думаю уж теперь жена не будет против».

Я посмотрел в окно. Молодой июнь улыбался жарким солнцем, заставляя щурясь, улыбаться всех в ответ. Хорошо! Не прошло и полчаса, как город за окном переменялся. Лето – самое легкомысленное время года даже в городе. Сейчас оно весело порхало за окном разноцветными лёгкими платьями, озорно взлетающими при порывах ветерка; жужжало роботами – косильщиками газонов, похожими на трудяг-жуков, которые, ошалев от зноя, сновали туда-сюда между зданиями; шелестело ещё молодыми зелёными листьями деревьев и благоухало цветами, высаженными вдоль автострады.

Аэромобиль резко свернул к воротам Наукограда, мигнул номерами у опознавательного знака, и ажурная чугунная решётка поползла вверх, пропуская нас. Машина медленно проехала по аллее вековых лип, остановилась у седьмого подъезда здания обсерватории.

Глава 3. Предательство

Двери лифта открылись, и я вышел в светлый коридор тридцатого этажа, где в самом его конце за стеклянными дверями находилась лаборатория астрофизиков. Десять утра. Тихо и буднично, как будто и не было конференции, где я выступал с докладом о результатах последних лет работы, и каких результатах! Теперь всё должно быть по-другому. Я уверен. Ещё не знал как, но по-другому, об этом свидетельствовали восторженные отклики именитых учёных на мой доклад.

«Я, конечно, как скромный человек, не буду претендовать вот так сразу на создание раздела науки под моим именем и руководством, – усмехнулся я про себя, – но значительное расширение лаборатории, думаю, можно ожидать. Конечно, ребята большие молодцы, но для такого грандиозного проекта, в который грозила вылиться наша работа, совершенно недостаточно трёх человек. И, наконец, на заказ специального оборудования – энерго-сканеро-спектрометра, я смогу уже рассчитывать! Сколько можно кустарщиной заниматься. Наш прибор худо-бедно справился с экспериментом, но для серьёзной исследовательской работы он совершенно не годится».

С такими радужными мыслями я подошёл к лаборатории. Сканер приветливо скользнул по лицу голубой лучом, и дверь открылась. Я переступил через порог и остолбенел от рёва множества людей, в радостном приветствии взметнувших к небу руки. От грома оваций, криков: «Ура-а-а-!! Да здравствует!! Слава-а-а-!!», от слепящего огромного ярко-оранжевого солнца, которое покоило на своих лучах всю эту многотысячную ликующую толпу, я совершенно оглох и ослеп. А когда пришёл в себя, то увидел Альбину с огромным букетом пёстрых цветов и Георгия рядом с нею.

– Ну, ребят, вы даёте! – вымолвил я, переводя дыхание. – Предупреждать надо.

Альбина – наша незаменимая помощница-аспирантка, назначенная в лабораторию стажёром – бросилась ко мне, сунула в руки букет и повисла на шее. Я осторожно отодрал её от себя. Маленькая, пухленькая, она поглядывала на меня снизу вверх так неожиданно для неё подобострастно, так умильно прижала руки к груди, что я смутился и вдруг поцеловал её в голову, в русые кудряшки, отчего она рассмеялась:

– Мы вчера смотрели, болели за тебя.

– Спасибо, – я улыбнулся.

Следом за ней подошёл Георгий – мой напарник, астрофизик – обнял меня и похлопал по спине:

– Ну что, дорогой? Нас можно поздравить? – Георгий отодвинулся от меня, радостно потёр руки.

Этот усатый черноглазый брюнет, худой и высокий, как жердь, с замечательным попугайским носом, который крючком нависал над верхней губой постоянно улыбающегося большого рта, был некрасив, но столь обаятелен и так предан работе, что Альбина всегда восторженно смотрела на него, совсем не замечая такого красавчика, как я.

– А мы всё думали, как поздравить с таким триумфом? – подхватила Альбина.

– Да! Настоящий триумф, – добавил Георгий. – Мы с Альбинкой знали, что будет успех, но чтоб такой. Правда, красавица? – Георгий приобнял Альбину за плечи.

– Правда, правда, – тараторила девушка, – после трансляции в лаборатории телефон оборвали с поздравлениями. Даже шеф заходил. Интересовался, как у нас дела и когда ты будешь. Представляешь? Сам тоже поздравил! Это точно к повышению! – радостно смеялась она.

– Спасибо, ребят! Альбин, да выключи ты этот фон, с ума от него сойдёшь, – смеясь, я пожимал им руки. – Поздравляю вас! Это реальная наша победа, я тоже думаю, грядут перемены, не зря шеф заходил.

Альбина подошла к панели рядом с огромным во всю стену окном и задумалась у климатизатора.

– Что настроить-то? – спросила она.

Георгий посмотрел на меня. Я пожал плечами.

– Ну, сестрёнка, давай что-нибудь на свой вкус.

Альбина на пару секунд задумалась и, улыбнувшись ямочками на круглых щеках, быстро защёлкала по климатизатору. Стены лаборатории растворились. На мгновение столы лаборатории и наше единственное ценное оборудование – аппарат, регистрирующий параметры энергий, которые мы изучали (уникальный прибор, наша совместная с Георгием разработка, как говорила Альбина, только моя талантливая голова и золотые руки Георгия могли сотворить подобное чудо) – слово зависли в воздухе. А еще через мгновение мы очутились в цветущем вишнёвом саду. Мягкий солнечный свет падал на всё вокруг ажурной шалью сквозь белоснежные гроздья цветов и нежную зелень молодой листвы. Где-то тихо пел соловей, а воздух был таким прозрачно-свежим, что им было не надышаться. Тишина после безумства, которое длилось несколько минут назад, бальзамом растеклась по душе.

– Хорошо, – довольно кивнул я.

– Это надо отметить! Олег, Георгий идите скорее. Садитесь!

Она устроилась на низком диванчике за небольшим сервировочным столиком, в центре которого стояла широкая ваза, наполненная виноградом, бананами и яблоками. Справа и слева от вазы – две пиалы: одна доверху наполнена грецкими орехами, другая – фисташками. Рядом щипцы для орехов. Остальное место занимали тарелочки, ошкетинившиеся шпажками, с наколотым на них сыром, оливками и манго. Всё это великолепие теснилось вокруг узкого хрустального графинчика в форме обнажённой фигурки девушки, внутри которого искрилась янтарная жидкость. Рядом со столиком расположился шкафчик-меню, на котором устроился белоснежный кофейник и низкий пузатый молочник для Альбины. Мы с Георгием любили чёрный кофе.

Я сел напротив Альбины на трансид:

– Да! Уверен, нас всех ждёт повышение и финансирование на дальнейшее исследование. Так что, не расслабляемся!

– Ну, отметить-то надо, шеф? – Георгий протиснулся на низкий диванчик и сел рядом с Альбиной.

– Не вопрос! Конечно, надо!

– Может Глеба пригласить? – Альбина вопросительно посмотрела на нас. – Заодно разузнаем, какие там планы на счёт лаборатории.

Пока мы раздумывали, удобно ли пригласить руководителя астрофизиков, дверь открылась, и появился он сам. Маленький щуплый, но очень живой и подвижный седовласый человечек.

– Ага! – потирая руки, воскликнул он, переступив порог, – Я так и знал, пьянствуем, втихаря, на рабочем месте и не приглашаем начальство!

– Ну что вы, Глеб, мы только сейчас говорили о вас и собирались пригласить! Такое событие! Олег, идите к нам, – Альбина и Георгий потеснились на диванчике и я пересел к ним.

– Ну да, конечно. Собирались они! Знаю я вас! А событие действительно редкое, – он посерьёзней и продолжал. – Ребят, я от души вас поздравляю. И с удовольствием выпью за вас и ваш успех, – он подошёл к столу.

Георгий разлил вино, мы встали.

– Ну! За ваш успех! – Глеб поднял фужер.

– У-р-а-а! За успех! – подхватила Альбина.

Поздравления, звон бокалов. Все снова расселись вокруг стола, Глеб устроился напротив нас на трансид.

– Ах! Я же ради такого случая испекла пироги. Сама! Представляете? – подскочила Альбина – Ужасная вкуснотища получилась. Попробуйте, – она открыла шкафчик и достала оттуда контейнер и большую белую плоскую фарфоровую тарелку. Из контейнера на тарелку выложила целую горку румяных пирогов, и гордо водрузила её в центр стола, раздвинув тарелочки со шпажками. Вкусно пахло корицей и ванилью.

– М-м-м, – Глеб взял один пирожок и понюхал, – какой аромат! А с чем пирожки?

– Ни за что не догадаетесь! – И выждав многозначительную паузу, объявила: – С черникой! Представляете? Иду вчера с работы, а тут в магазинчике на углу настоящую чернику продают! Это в начале июня-то! Вот, пожалуйста, пирожки получились.

– Очень вкусные, – с набитым ртом похвалил Георгий, быстро расправляясь с пирожками. – А что? Чернику можно хоть круглый год в интернете заказать.

– Да ты что? – обиделась Альбина. – Она же не настоящая. А тут в магазинчике, живая, из теплицы. Только лесная ягода, ну, в крайнем случае, из теплицы даёт настоящий вкус и аромат.

Георгий пожал плечами.

– Ты ничего не понимаешь! А ты чего Олег, не ешь? – Альбина вопросительно посмотрела на меня.

– Я ем, спасибо, Альбина, – и взял пирожок и понюхал.

Все вопросительно смотрели на меня, и я решился:

– Давайте ещё выпьем.

У Глеба седые кустистые брови поползли на лоб.

– Вы знаете, у меня сегодня двойной праздник.

– Праздник? Какой праздник? – не утерпела Альбина.

– Мы с Фёкой ждём ребёнка! – выпалил я.

На мгновение повисла тишина, которая взорвалась, когда Альбина радостно захлопала в ладоши. Георгий одобрительно крякнул:

– Вот это молодец, дорогой! Поздравляю!

Глеб улыбнулся и махнул мне рукой, я разлил вино.

– Ну, за нового учёного! Да не оскудеет Земля талантами!

Праздновали мы недолго, удивительно ещё, что и так Глеб с нами задержался, хотя, конечно, он не мог проигнорировать нашу победу. Наконец он поднялся:

– Друзья мои, надо работать! Прошу вас в ближайшие дни доделать все текущие дела, подготовить всю документацию по эксперименту и исследованиям. До конца рабочей недели осталось три дня. Вы должны успеть все материалы подготовить для архива.

– Как для архива? – воскликнули мы хором.

– Разве мы не будем продолжать исследования? Мы ведь только в самом начале пути! – я недоуменно смотрел на Глеба.

Глеб задумчиво потёр переносицу.

– Решено временно, понимаете, временно, – он поднял вверх указательный палец, – исследовательскую работу в этом направлении приостановить до особого распоряжения, когда будет понятно практическое применение открытия. Бюджет на фундаментальные исследования в этом году незначителен и направляется исключительно на проекты, внедрение которых уже сейчас принесёт практическую пользу. Надеюсь, вы меня понимаете?

Мы молчали.

– Но у меня для вас отличные новости! – продолжал Глеб. – Вам всем присвоена следующая квалификационная ступень и решено доверить новый наиответственный научный проект, исследования по которому необходимы уже сегодня. Крайне необходимы! Готовы? – улыбаясь, Глеб смотрел на наши растерянные лица.

– Альбина Вяземская! – вдруг торжественно произнёс он.

Альбина встала.

– За непосредственный вклад в столь значимое научное открытие, который по решению квалификационной комиссии засчитывается вам, как профэкзамен последней третьей ступени четвёртого социального уровня ответственности («Осваивающий профессию»). Вы признаётесь успешно прошедшей практику стажёра и переводитесь на первую ступень пятого социального уровня ответственности («Профессионалы общей квалификации первой категории»). Допуск вам будет предоставлен сразу после регистрации решения квалификационной комиссии в КАРМА, то есть в самое ближайшее время. Поздравляю вас! Готовы ли вы приступить к новой ответственной работе?

Альбина красная от смущения и радости стояла напротив шефа, прижав к груди кулачки:

– Спасибо, – почти прошептала она. Вопросительно обернулась к нам. Потом взглянула на Глеба и сказала:

– Готова.

Шеф ей ободряюще кивнул.

– Георгий Лим! – повернулся Глеб к чуть побледневшему, поднявшемуся из-за стола Георгию.

Альбина тихо села.

– Поздравляю! – шеф протянул Георгию руку и от души потряс руку Георгия. – Отличная работа, которая вполне показала, что вы достигли высшего профессионализма в своём деле. Рад сообщить, что вам присвоен высший профессиональный – шестой уровень социальной ответственности («Профессионалы высшей квалификации»), пока её первая ступень, но с вашими талантами недалеко и до третьей, – он дружески хлопнул Георгия по плечу. Что вы думаете о работе над новым проектом?

Георгий выжидающе смотрел на меня и молчал. Я отвернулся, не хотел мешать ему самому сделать выбор.

– Я готов работать там, где это необходимо, – наконец, тихо произнёс он и сел.

– Благодарю вас! Ну и, конечно, не оставлен без внимания руководитель лаборатории, вы – Олег. Хочу ещё раз поздравить вас с двойным праздником: и с будущим пополнением семейства, и с высшей, третьей ступенью шестого профессионального уровня. От души рад за вас. Надеюсь, вы согласитесь возглавить работу вашего коллектива над новой задачей?

Альбина и Георгий с надеждой смотрели на меня.

Я поднялся:

– Прошу меня извинить, но я не планирую менять направление моей научной работы.

Стало так тихо, что казалось, слышно было падение лепестков цветов вишни на пол лаборатории.

– Вы уверены? – откашлявшись, словно что-то ему мешало в горле, строго спросил Глеб.

– Абсолютно.

– Но пока это невозможно, сейчас решается вопрос, где и в каком объёме будут проходить дальнейшие исследования. Вопрос будет рассматриваться на Совете Земли. Изучаются разные варианты: от государственных проектов до коммерческих инвестиций. Боюсь, что это может занять длительное время, возможно нескольких месяцев. А месяцы простоя в науке..., – он нахмурился. – Хотя мы предвидели такой поворот, и пока, до окончательного решения вопроса, можем предложить лично вам, Олег, работу почти по вашему профилю. После конференции на вас пришёл запрос из обсерватории Уральского монастыря.

Альбина прыснула в кулак, а Георгий насмешливо хмыкнул. Глеб строго посмотрел на них.

– Какого ещё монастыря?! – раздражённо воскликнул я.

– Уральского монастыря. Я понимаю, что это довольно далеко, командировка рассчитана на год, но вам с женой, если она решит ехать с вами, обещают

комфортабельные условия проживания, насколько это возможно, конечно, при монастыре. А через год вопрос о продолжении вашего проекта будет решён.

– Это исключено, – решительно отказался я. – Почему именно монастырь? Вот уж никогда не был религиозным человеком, чтобы сотрудничать с монахами! И там всяко будет какая-нибудь подтасовка, попытка псевдонаучными выкладками доказать свою религиозную правоту. Увольте, я им в этом не помощник. И вообще, я крайне отрицательно отношусь ко всяким фанатичным религиозным обществам. Глупость какая-то!

– Это не говорит в вашу пользу, – нахмурился Глеб. – У нас свобода религиозных воззрений, и нет из-за этого никаких ограничений сотрудничества в научной деятельности.

– Я не против общественного сотрудничества кого-то с кем-то. Но я в праве сам устанавливать границы своего личного сотрудничества. В праве сам выбирать, где и с кем мне работать, а с кем нет. Не правда ли?

– Вы совершенно правы. Вы вправе выбирать над каким проектом, предлагаемым вам обществом, работать, – холодно поставил точку в споре Глеб и направился к выходу. – Однако, – он обернулся и сердито посмотрел на меня, – общество тоже вправе оценивать ваш вклад в это сотрудничество. Подумайте! С завтрашнего дня вам неделя отпуска. Сегодня закончите все дела и передайте Георгию. Думаю, Георгий и Альбина без вас прекрасно справятся с подготовкой текущего проекта к сдаче в архив. А вы подумайте! Если вы откажетесь от сотрудничества с нами, от проектов, которые мы предлагаем, то вправе уйти в бессрочный отпуск за свой счёт до решения вопроса о продолжении вашей работы. Впрочем, вы можете продолжить работу над проектом по самостоятельно заключённому коммерческому контракту с заинтересованными лицами. Но при этом прошу учесть, что мы не сможем присвоить вам высшую ступень шестого уровня ответственности, так как это не совместимо с вашим отказом от сотрудничества, – Глеб резко повернулся и вышел из комнаты.

– Да-а-а..., – протянул Георгий и, помолчав, добавил: – Олег, не глупи, подумай. Всё-таки высшая ступень последнего уровня социального статуса – это же предел мечтаний! Тебе откроется дорога везде! Ты сможешь сам принимать участие в распределении бюджетных средств, сможешь не только возобновить работу нашей лаборатории, но и возглавить целую научную отрасль. Вопрос о продолжении исследования снимется, не говоря уже о возможностях

материального обеспечения. Представляешь, какой коэффициент у тебя будет? Ведь у тебя скоро ребёнок родится, надо и о его будущем подумать. И цена то, всего год в монастыре, – улыбаясь, закончил он.

Альбина, уже не сдерживаясь, захохотала в голос:

– Олег, тебе в монастырь пора. Открытие сделал, ребёнка, считай, родил, пора и грехи замаливать.

– А что ему замаливать-то, – подключился Георгий, – у него и грехов-то нету – жена да сожительница.

– Тем более, – хохотала Альбина – девственнику самое место в послушники.

Я ущипнул её за попу, и она, взвизгнув, выскочила из комнаты.

– Нет, Георгий, шутки шутками, но не всё меряется социальным статусом и ЧИВами. Я не намерен выкидывать год из жизни. И вообще, что за диктат! Я – учёный. Я имею права заниматься тем, что мне интересно. Почему я обязан менять свои планы, забрасывать свои разработки, забыть о своём открытии? Ради чего? Что у нас мало учёных, которые с интересом будут работать в любом направлении? У них нет цели, есть только желание выполнить заказ, быть полезными. А я? Я что, разве против того, чтобы быть полезным? А для кого мы тут ночами? Для себя что ли? Ты же знаешь, какие перспективы открывает для людей наше открытие! Нельзя же жить только сегодняшним днём и не видеть ничего дальше собственного носа! Идиотизм какой-то!

– Успокойся, Олег, все образуется.

– Да, конечно, – усмехнулся я и с горечью сказал, – образуется. Ладно, пошёл я. Не нужен я теперь тут.

– Ну, что ты ерунду говоришь!

– Пока, – я махнул и пошёл к выходу.

– Созвонимся! – огорчённо крикнул Григорий мне вслед.

– Созвонимся, – бросил я, не оборачиваясь.

– Домой, – приказал я бортовому пилоту и откинулся на сидение.

Вот и всё. Похоже, тут моя работа закончилась. Солнце лениво перебралось за середину неба и покатилося к закату. Душно. «Кондиционер, что ли не работает», – мелькнула мысль. Я открыл окно. Небо потемнело. С запада медленно ползла сизая туча. Вот она добралась до солнца и проглотила его, но прохладнее не стало. Туча же раскалилась и теперь пышила жаром, втягивая в себя воздух и раздуваясь, придавливала мягким брюхом все звуки к земле, где они прятались под плиты мостовой. Стихло. Даже не слышно щебетания птиц. Похоже, будет гроза. Я почувствовал вдруг какую-то нахлынувшую отстранённость от всего, от жизни. Расстроился что ли? Ерунда какая. И вообще, я же работал не для славы и признания. Хотя, что себя-то обманывать, триумф конференции и оглушительное чувство торжества мне никогда не забыть. Но начальство. Не поняли. А может просто позавидовали! Кто у нас любит успешных? Только притворяются, что рады за кого-то, а сами думают, вот, мол, выскочка. Не нужно никому моё открытие. «Нет пока ему практического применения», – вспомнил я слова Глеба. Ну да, конечно, нет. Кто же думает о создании жизни на других планетах, тут у себя бы сделать её достойной. Ну что я, дурак, расстроился? Конечно, жаль, что с высшим социальным статусом облом, средства бы нам с Фёкой пригодились. Да и плевать, у меня и сейчас отличный доход. Главное, чтобы Фёка была здорова. Нет, а какой всё-таки Глеб. Мог бы предупредить. Отправляя на конференцию уж всяко знал, что ждёт лабораторию дальше. Прямо так бы и сказал, что работа моя никому не нужна, что лицемерить-то? Как они столько времени вообще финансировали проект. Хотя проекты крайне редко закрываются до получения первого результата. Своё слово в науке мы отработали, галочку в работе астрофизиков заслужили, а дальнейшее развитие нам никто и не обещал. Глупо было и надеяться. Кого в наше время может серьёзно заинтересовать дальний космос, если мы в своей планетарной системе ещё не хозяева.

Я устало потёр лоб. Ничего. Что-нибудь придумаю. А может, правда, пока съездить с Фёкой на недельку отдохнуть? Там видно будет.

Аэромобиль остановился на подземной парковке, и дверца тихо поднялась вверх.

Приехали, – пробормотал я, и вышел из машины.

– Фёка! Ты где? Я дома!

Из кухни выглянула недовольная физиономия Клео:

– Что ты шумишь? Феклисса отдыхает.

– Отдыхает, сейчас? – удивился я. – Днём?

– Хочет и отдыхает! Тебе-то что?

Может вино, может досада сегодняшнего дня, а может гордость от того, что я отец или ещё что стукнуло в голову, но обычно сдержанный и старающийся избегать конфликтов, я вдруг разозлился и выпалил:

– Клео, а какого чёрта ты со мной так разговариваешь? Ты вообще кто такая в моем доме? Массажистка? Домработница? Так вот и знай своё место. Я хочу разговаривать не с тобой, а с моей женой – Фёкой! Матерью моего ребёнка!

Клео замерла и даже рот приоткрыла от неожиданности, стояла и смотрела на меня выпученными глазами. А я, радуясь своей победе над этим монстром, продолжал, распаляясь и надвигаясь на неё:

– И вообще, знаешь, тебе пора подумать о другом месте работы. Не думаю, что ты сможешь продолжать у нас работать после рождения ребёнка. И не мечтай стать няней, – я сложил фигу и покрутил ею у неё перед носом. – Собирай свои вещи и уматывай!

Клео побледнела, упёрла руки в бока и, чуть откинув голову, назад, произнесла:

– А по какому праву ты меня гонишь? Я – сожительница, официально зарегистрирована по этому месту жительства и в этой семье. И имею все права!

– Какие права? Не смей меня! В семье произошли изменения, она будет перерегистрирована, и тебе в ней не найдётся места. Лучше позаботься о себе заранее. Поняла? Я же знаю, что ты ненавидишь меня. И я тебя тоже, будь уверена.

– Да мне безразличен ты и твои чувства, слышишь ты, урод! Я нужна Феклиссе.

Я опешил, никогда раньше она не позволяла себе прямых оскорблений.

– Я – урод?! Да ты на себя-то посмотри, образина! Нормального мужика найти не смогла и к нам прицепилась! Массажистов тысячи, найдём хорошего и без тебя. Феклиссе она нужна! Знаю я, зачем ты ей нужна! Практикуй свои эротические массажи в другом месте! Я лучше знаю, что нужно моей Фёке! И уж, поверь, это не твои руки с пальцами-сардельками!

– Да, что ты знаешь? Ты что ли нужен Феклиссе со своим стручком никчёмным?

– Что ты сказала? – свистящим шёпотом произнёс я. Кровь бросилась мне в лицо, сердце странно бухнулось и перевернулось в груди. – Что ты сказала? Чтоб тебе сдохнуть, гадина!

– Ой, испугалась, сейчас грохнусь в обморок! Сам смотри не подохни, вон покраснел, как рак, того гляди удар хватит. А как бы хорошо было! И Феклисса перестала бы плакать, жалуясь на тебя, что ты и можешь только, что раззадорить её, разгорячить, а удовлетворить не в состоянии. У тебя и стоит-то пять минут!

– Ты что говоришь?!

– А то и говорю! Что слышишь! Ребёнка ему подавай, а вот на тебе, выкуси, – теперь она свернула кукиш и сунула мне в лицо.

Кулаки мои сжались, и я шагнул к ней.

А она всё выплёвывала и выплёвывала мне в лицо злые слова:

– Не променяет она меня ни на какого никчёмного ребёнка вроде тебя. Я ей нужна! Только я! Понятно! И отдыхает она, потому что только из больницы приехала, аборт она сделала! Слышишь ты! Учёный! Занимайся вот своей наукой и не лезь к нам! Как мужик ты ноль! Не нужен ты тут никому!

– Аборт сделала?! Ты врешь!

– Что тут происходит? – позади раздался слабый голос Фёки. – Вы что кричите, с ума сошли?

Я резко обернулся к ней:

– Фёка, это правда, что ты сделала аборт? – изо всех сил стараясь говорить спокойно, спросил я.

Глаза Фёки забегали, она побледнела:

– Знаешь, миленький, я подумала, что мы ещё очень молоды и у нас ещё будут дети. Куда нам спешить? И потом Клео считает, что для моего здоровья...

– ЧТО?!

Позади раздался утробный смех Клео. Я резко обернулся. Она стояла подбоченясь, и, запрокинув голову, хохотала. Её шея шевелилась, как мерзкая толстая змея. В глазах у меня потемнело, не помня себя, я бросился к ней и схватил за горло. Лицо её исказилось, и рот раздвинулся в мерзком оскале, казалось, что она только сильнее смеётся надо мной.

– Ты замолчишь! Ты замолчишь! Гадина! – шептал я, изо всех сил сжимая её шею. Я опомнился, когда услышал за спиной отчаянный визг Фёки. Увидел вдруг перед собой иссини-пунцовое лицо Клео с закатившимися глазами, и разжал руки. Она мешком съехала по стене на пол. Я оторопело смотрел на неё: «Задушил»?

Подбежала Фёка, и долгих несколько секунд мы смотрели на Клео. Наконец, она с шумом втянула в грудь воздух, схватилась руками за грудь и открыла глаза. Взгляд её упал на меня, и она сжалась от страха, прижимаясь к стене. Фёка бросилась к ней, а я кинулся вон из дома.

Глава 4. Я отвергаю мир

Я быстро шёл наугад. Две мысли – два раскалённых шипа вонзились в голову: Фёка убила нашего ребёнка, я чуть не убил человека! Больше я ни о чём не мог думать. С каждым шагом эти шипы всё глубже и глубже проникали в мозг, в самую сердцевину сознания, которое яростно сопротивлялось, отказываясь принять. Но ни жалости, ни страха, ни раскаяния не было. Только мерзость, липкое гадливое отвращение обляпало меня с головы до ног.

«Не-е-ет. Это не я чуть не убил человека, это самый близкий и самый родной мой человек убил меня, убил моего ребёнка! Фёка! Как она могла? Как же мы теперь? Предательница! Всё, всё уничтожила. Больше нет, больше никогда не будет нас: меня и Фёки. Я понял! Нас и не было никогда. Всегда были только они. Феклисса и Клео. Вот у них любовь. А я так, нужен, чтоб их обеспечивать. Плохо ли! До половины моих ЧИВ[i] по брачному договору идут им, как неработающим членам семьи. Я – только источник их благосостояния. Всё!».

Я почти бежал, не разбирая дороги, пока не налетел на кого-то.

– Смотрите куда идёте! – молоденькая рыжеволосая девушка возмущённо фыркнула, взглянув зелёными глазами.

У меня сжалось сердце, так она была похожа на Фёку.

– Простите, – пробормотал я.

«Этого не может быть! Не может быть! Не может быть! Фёка любит меня! Она любит меня с самого первого дня, как мы познакомились. Я же чувствую! Или всё это – ложь? Только игра? Конечно, ложь! Иначе она не убила бы нашего ребёнка», – глухой стон вырвался сквозь стиснутые зубы и заставил меня

опомниться. Что это я? Надо взять себя в руки. Ну, сделала аборт, обычное дело. У нас ещё будут дети. Но почему так подло, втихаря!".

Я стёр с лица то ли слёзы, то ли капли дождя и огляделся. Площадь, на которую я забрёл, была пуста. Дождь разогнал гуляющих. Поднялся ветер. Я запрокинул голову и подставил лицо под не по-летнему холодные струи. Хлёсткие, они били всё сильнее. Странно, но чем яростнее меня хлестал дождь, тем спокойнее становилось у меня на душе. Вскоре я промок до нитки, и неприятный холодок пробежал по спине. Надо где-то укрыться. Я огляделся. Сразу за площадью начинался городской парк, я как раз остановился у его входа. Слева от ажурных чугунных ворот притулилось одноэтажное здание кафе, в окне полуподвального помещения которого зазывно переливалась разноцветными огнями вывеска бара.

Я направился туда и спустился по ступеням крутой лестницы. Звякнув колокольчиком, тяжёлая дверь открылась. В центре небольшого овального помещения под какую-то заунывную музыку медленно вращалась четырёхугольная барная стойка. На её прозрачных с подсветкой полках громоздились бутылки всевозможных размеров и форм. Остальное пространство бара тонуло в полумраке, который освещали свечи на столиках и в простенках между зеркалами, видимо, призванными создать оптическую иллюзию большого пространства, но явно с этим не справляющиеся. Неравномерность их расположения делали помещение клокастым, разорванным на отдельные тёмные рукава-коридоры, и оттого бар принимал вид какого-то тёмного склада. Мерзко пахло каким-то дешёвым табаком.

«Декор», – язвительно усмехнулся я.

Все столики были заняты, видимо, из-за дождя. Хорошо, что у бара никого. Я подошёл к стойке. Ужасно захотелось выпить. Всё равно, что, главное, чтобы обожгло грудь, может тогда боль уймётся, наконец. Забыть. Пошло оно всё. Взглянул на первую попавшуюся бутылку и сделал заказ. Бармен ловко открыл бутылку, и тёмно-бардовая тягучая жидкость полилась в бокал. Наполнив его на четверть, он вопросительно взглянул на меня. Я кивнул, и он долил до половины. Поставил бокал передо мной. Я хотел было поднести его к губам, но быстро поставил на стойку – моя рука дрожала. Я покосился на бармена, тот понимающе отвернулся, и я выпил. Приятное тепло пробежало обжигающе-успокаивающей волной по шее, растеклось по груди, мягко улеглось в животе. Дрожь прекратилась, я кивнул, и бармен налил ещё.

Я пил и не пьянел. Только мысль становилась чётче, только яснее я видел всю мерзость вокруг. Я смотрел на лица посетителей и видел их лживость. Вон парень с девушкой сидят, взявшись за руки. Парень по-идиотски мечтательно-влюблённо смотрит на девушку. А та снисходительно улыбается ему, а сама поглядывает на соседний столик, где молоденькая девчонка в коротенькой юбочке, закинула ногу на ногу, оголив бедро до самой задницы, и покачивает розовой туфелькой, которая будто случайно соскользнула, обнажив пятку с татуировкой символизирующей лесбийскую любовь.

Я брезгливо отвернулся. Глянул в другую сторону. Там о чём-то шептались и смеялись трое молодых парней. Один из них, красный и потный, держал сидящего напротив него парня за руки, другой потягивал вино, странно откинувшись на спинку стула. Я заглянул под стол и увидел, как его нога, освободившись от ботинка, ласкала потного парня.

– Уроды, – не удержавшись, сквозь зубы проговорил я.

Бармен взглянул на меня, усмехнулся и кивнул кому-то. Через минуту ко мне подошла молодая женщина и предложила свои услуги. Я отказался. Она разочаровано отошла.

– Что желаете? – спросил бармен – У нас все услуги лицензированы и только высшего качества.

Я посмотрел на толстую рожу бармена, на маленькие свинячьи глазки и отрицательно мотнул головой. Приложил браслет к кассе и пошёл к выходу. «Желаю вам всем сгореть вместе с вашим баром», – мелькнула мысль.

Дождь прошёл, и появились прохожие. Наступил вечер, и дневной свет сменило яркое освещение площади и широких пешеходных улиц – излюбленного места отдыха горожан. Вот и сейчас они прогуливались или сидели на скамейках то тут, то там, расставленных между раскидистыми деревцами и миниатюрными клумбами-фонтанчиками. Улицы убегали вглубь мегаполиса вдоль двух тоннелей-автомагистралей, огороженных подстриженными цветущими декоративными кустарниками почти трёхметровой высоты, тянувшимися от площади на запад и на восток. Сеть дорог от тоннелей-автомагистралей к подземным парковкам домов, учреждений и магазинов, расположилась под улицами, и потому казалось, что в мегаполисе не было ни одной машины, только

люди и растения, да изредка высоко между небоскрёбами пролетали, куда-то спешащие аэромобили.

Обычно мы с Фёкой любили гулять по городу. Особенно жена любила сидеть в беседке на самом верху пешеходного мостика, перекинутого через тоннель-автомагистраль. Но это было в те редкие минуты, когда я бывал свободен.

«Может я мало внимания уделял Фёке, и она разлюбила меня? Ну да, конечно! До такой степени разлюбила, что предала, убила нашего ребёнка! Никогда не прощу! Куда теперь? Не видеть бы никого», – ноги сами понесли меня туда, где сейчас было тихо и темно, в парк. Мне захотелось укрыться ото всех в его чаще. Забыться. Жизнь кончена. Моя работа никому не нужна, дома и семьи у меня нет. Всё вокруг – ложь. Одни уроды! Провалились бы все к чёрту, мир ваш. Не видеть бы никого. Я шёл в темноте парка пока не наткнулся на скамейку, больно ударившись. Сел, растирая ушибленное колено. Голова гудела, я откинулся на спинку сидения и закрыл глаза. То ли сказалось, что я перенервничал, то ли, что выпитое вино дало о себе знать, но я уснул.

* * *

– Просыпайтесь! Просыпайтесь! – писклявый голос зудел надоедливym комаром, я отмахнулся и получил грубый тычок в плечо.

– Что надо? Что пристал? – я попытался встать. Тело затекло и плохо слушалось. «Пора матрас менять, амортизация ни к чёрту. Надо сказать Фёке, пусть... Фёка!», – воспоминания обожгли, я опомнился и резко сел. Яркий свет ударил в глаза, заставив зажмуриться, а когда открыл глаза, то увидел толстого низкорослого человека в форме охранника правопорядка. Он стоял, уперев руки в бока. В шаге позади него – второй, за светом фонарика, который он направил мне в лицо, я видел лишь его силуэт.

– Очухался? – проговорил коротышка. – Вы арестованы по обвинению в покушении на убийство. Прошу следовать за нами! Ваши права будут вам зачитаны в машине. Руку! – он схватил меня за запястье. Там, где должен был быть мой браслет, щёлкнул наручник. Моего браслета-идентификатора личности не было! Впервые за всю мою жизнь на моей руке не было браслета. Такого быть не могло. Это то же самое, как если бы не было меня, как будто мир отрезал меня от себя, выбросил вон и забыл, что я существую. Без браслета я не мог ни с

кем связаться, ничего купить, никуда зайти. Если только на работу и домой, где в сканеры внесена биометрия лица. Но на работу мне теперь уже не нужно, как, впрочем, и домой. Да и был ли у меня дом? Навалилось одиночество. Мне стало страшно.

– Где мой браслет? – голос мой сипел, и я прокашлялся.

– Ваш браслет у нас. На время следствия вы лишаетесь права им пользоваться. Прошу следовать за нами, – он потянул меня за руку.

Я растеряно смотрел на него. Арестован!

– Хорош тормозить! Пошли уже! – второй тряхнул меня за плечо.

Его грубость прогнала страх.

– Руки убери, – разозлился я, но поднялся. Да чёрт с ним с браслетом. Я есть я, а не какой-то там идентификатор личности. «Бежать!» – мелькнула мысль. – «Глупо, да и куда бежать-то? А плевать, пусть будет, как будет. Вот и выход, не жить же мне вечно в этом парке. А в дом к Фёке и Клео, я больше не вернусь, никогда! Ноги моей не будет, пока они там. Явно Клео донесла, гадина. Жаль, что не придушил её совсем. Плевать, пережду в полиции, а пока потребую развода с Фё... Феклиссой, и пусть выметаются из моей квартиры. Она передана Наугоградом мне, и именно я выплачивал за неё рассрочку. А эти обе пусть катятся! Вернусь, чтобы и духу их не было».

Коротышка бодро шагал на полшага впереди меня по мокрой асфальтированной дорожке, которая петляла среди тёмных деревьев. Снова заморосил дождь, луна пряталась за тучами, и только редкие фонари едва освещали парк. Должно быть, была глубокая ночь. Я оглянулся. Второй шёл за мной и, увидев мой взгляд, мотнул головой, чтоб я поторапливался.

В тесном полицейском автомобиле было жарко и душно, не смотря на то, что на улице похолодало. Я этому был даже рад. Хотелось тепла, чтобы согреться и унять дрожь, которая меня колотила, то ли от того, что я сильно продрог, полночи проспав на скамье во влажной от дождя одежде, то ли нервное. Сквозь бронированные стёкла мелькали яркие пятна, растянутые дождевыми струями в рваные переплетающиеся разноцветные линии. Элизий плакал и растекался

зданиями. Плакал меня. Мою конченую жизнь.

– Куда вы меня везёте?

Второй, который уселся рядом с водителем, недоумённо глянул на меня, пожал плечами и отвернулся.

Коротышка пробормотал:

– Куда-куда. В тюрьму. Куда же ещё преступника вести?

– В Башню Мира?

– У нас в Элизиуме одна тюрьма, – он навалился на меня и вытащил из заднего кармана брюк небольшой планшет. – Я должен зачитать ваши права, – и, не отрываясь от экрана, забубнил монотонно и нудно.

Я не смог подавить тяжёлого вздоха, и коротышка пропищал:

– Сидите спокойно, и так тесно.

Второй хмыкнул:

– А я тебе сто раз говорил, что надо меньше жрать, ты скоро и один-то не поместишься, – он и водитель засмеялись, я усмехнулся, и тут же получил довольно ощутимый тычок в бок. Толстяк захлопнул планшет, и проворчал:

– А я не могу питаться одной жвачкой, как ты.

У второго покраснели уши, но он ничего не ответил, только клацнул мини-тубус, и уши патрульного мерно задвигались. Видимо, он принялся за очередную жвачку. Теперь уж захохотал коротышка, ему было вторил водитель, но второй так глянул на него, что у того смех перешёл в кашель. Всю оставшуюся дорогу молчали.

Сквозь бронированные стекла электромобиля я смотрел на никогда не засыпающий Элизиум. Скоро впереди слева увидел огромный смазанный дождём разноцветный силуэт Башни Мира. «Смазанная гармония», – мелькнуло в голове. «Смазанная гармония»...

Вспомнился день, когда нас, первоклашек, возили из моего родного элизия «Донские просторы» на экскурсию в Элизиум. Мой детский восторг от увиденного: слияния круговых огней этажей, уносящейся в небо Башни Мира, в огромную сферическую радугу. Помнится, Учитель тогда так и сказал, что радуга Башни Мира – самого высокого двести пятидесятиэтажного здания Элизиума, единого центра управления Землёй – символизирует единство и гармонию нашей цивилизации; что каждый её цвет – необходимая часть этой всеобщей гармонии.

Самые нижние этажи Департамента Юстиции, Правопорядка и Религиозного Согласия – переливались красно-рубиновым цветом.

Над ними чётким оранжевым поясом обозначился Департамента Энергетики и Ресурсов.

Он переходил в радостный солнечно-жёлтый цвет этажей Департамента Сельского хозяйства и Продуктов питания. Человечество отказалось от искусственной замены продовольствия и обратило свой взгляд на уникальные свойства растений, которые росли круглогодично и почти в любой точке Земли чему способствовали технологии климатического регулирования. Но были и любители мяса животных, рыбы и птицы, во множестве выращиваемых частными ферми, расположившимися вокруг городов – Элизиума и элизий. Впрочем, фермерские продукты пользовались всё меньшим и меньшим спросом.

Солнечно-жёлтый цвет перетекал в зелёный почти изумрудный цвет Департамента Человека и Охраны среды обитания. В нём решались все вопросы, связанные со здравоохранением и социальным здоровьем человека; охраной природы и изучением природных явлений; чрезвычайными ситуациями и катастрофами; урбанизацией в природной среде.

Почти сливаясь с небом в солнечный летний день, голубым цветом сиял Департамент Промышленности и Бизнеса. Искусственный интеллект при моделировании и планировании экономического развития Общества, объединённого в единый организм, не только обозначил необходимость сверхкрупного промышленного производства, но и позволил чётко организовать его процессы, анализируя потребности и желания людей и мгновенно реагируя на поставленные ему задачи о перепрофилировании. Однако люди сознательно отказались от тотального укрупнения и полной роботизации, давая возможность каждому выбрать занятие по душе и способностям. Роботов разрешалось использовать только на тяжёлых, вредных или механических работах; на работах, требующих ювелирной точности, быстрого расчёта и реакции, а вся область творческого труда оставалась за человеком. Машины считали своими помощниками, но никак не заменой себе. А потому повсеместно процветали эксклюзивные бутики – пошивочные, салоны красоты, обувь и шляпки на заказ, выполненные вручную, домашняя расписная утварь, фермерские продукты и прочие, и прочие. И совсем не обязательно, что покупатель этого эксклюзива должен быть в шаговой доступности. Через интернет вещей каждый такой маленький шедевр можно было приобрести из любой точки Земли, исключая только услуги, которые требовали непосредственного присутствия их покупателя.

Голубой плавно перетекал в синий цвет Департамента Науки, Образования и Культуры.

И уже в самой вышине, высоко в небе Башню венчал огромный вращающийся купол. Именно там ежегодно проходил Планетарный Конгресс Мира, где подводились итоги года Общественного Сотрудничества и согласовывались планы планетарного развития на будущий год. Именно вон из той яркой фиолетовой точки, снизу похожей на сияющую звезду, через глобальный искусственный интеллект устанавливалась одновременная связь с каждым человеком, где бы он ни находился. Может быть, в этот единственный день года каждый чувствовал, что он не одинок и что он часть великого сообщества, и не просто часть, а именно у него в руках ответственность за жизнь и процветание планеты Земля. Двадцать пятого сентября – в день, когда Первый Планетарный Конгресс Земли принял главный закон Общества – «Декларацию о Сотрудничестве» – стал национальным праздником и днём, когда и проходил ежегодный Планетарный Конгресс Мира.

Сам купол и десяток этажей под ним, мерцавших фиолетовым цветом, были зоной "КАРМА"[i] – искусственного интеллекта, детища Андо Альдениса, выдающегося учёного, последователя легендарного Творца Астерия Беклашева, сумевшего реализовать давнюю мечту учёных о глобальном искусственном интеллекте. «КАРМА» не только моделировал общественное развитие и обеспечивал его через сбор и перераспределение налогов, но и был непосредственным координатором общественно-производственных взаимосвязей.

В Башне Мира расположились рабочие кабинеты Управляющих – членов Совета Мира – исполнительного высшего органа Общества. Их было семеро. Семеро Управляющих. Каждый из них – профессионал в своей отрасли, достигший первой ступени Седьмого уровня социальной ответственности по рекомендации искусственного интеллекта. Это была одна из функций «КАРМА» – анализ деловых качеств каждого члена общества и ежегодное представление рекомендаций профессиональным квалификационным комиссиям уровней социальной ответственности для принятия ими решения о профессиональном соответствии человека своему социальному статусу.

Башня Мира. Сейчас она огромным разноцветным смазанным дождём пятном заслонила всё. «Смазанная гармония», – усмехнулся я, вспомнив своё детское восхищение. Тогда нам, первоклашкам, не рассказали, что на минус первом – минус втором этажах разместились судейские и судебный зал заседаний, ещё ниже – изолятор и распределитель. А начиная с минус одиннадцатого этажа, глубоко вниз уходила территория тюрьмы с зонами проживания и обширными производственными секциями, которые простирались далеко за пределы площади Башни, а, возможно, и за пределы Элизиума.

Второй наклонился над рацией:

– Дежурный! Я – патруль 234. Через пять минут будем на месте. Нарушитель с нами. Встречайте.

[i] ЧИВ – Часовой Индивидуальный Вклад. Один ЧИВ – один час необходимого рабочего времени, потраченный человеком для создания его вклада в Общество. ЧИВ – это ценность для человека, по которому оценивается его вклад в Сотрудничество.

[i] КАРМА – компьютерно-авторизированные региональные модели администрирования.

Глава 5. Арест

Миновать площадь перед Башней Мира и обогнуть её по периметру до пропускного пункта, было делом нескольких минут. Сканер скользнул по номеру машины, по лицам людей, сидящих в салоне, и чугунные ворота дрогнули, разъехались, прячась в каменные стены. Мы въехали в цокольный этаж Башни.

Электромобиль остановился, но никто не тронулся с места, пока ворота также медленно не закрылись, и я не услышал металлический голос:

– Патруль – 234, вам разрешается покинуть машину.

Дверцы машины бесшумно поднялись вверх.

Толстяк пыхтя выбрался наружу и нетерпеливо кивнул мне, поторапливая. Я вылез. Остальные последовали нашему примеру. Машина пискнула сигнализацией, и уехала в широкую нишу напротив входа, видимо, на автостоянку, где я успел разглядеть несколько патрульных машин. Мы же пошли налево к едва приметной двери в стене, за ней обнаружился длинный тускло освещённый коридор. Узкая ядовито-зелёная дорожка убегала вперёд и терялась в глубине. Грубые каменные стены прорезали мрачные серые бесконечные металлические прямоугольники, расположенные друг напротив друга. Однако меня не повели ни в одну из них. Патруль свернул к лифту справа от входа. Он открылся мгновенно и, проглотив нас, рухнул вниз. У меня замерло сердца от неожиданной стремительности. Но уже через несколько секунд двери лифта открылись, и я увидел прозрачную стену и на ней светящуюся красную надпись «Этаж минус 5. Приёмный изолятор».

Я замешкался, осматриваясь, и толстяк нетерпеливо подтолкнул меня. Второй уже прикладывал браслет к небольшому чёрному квадрату, расположенному справа от надписи. Прозрачная стена разъехалась, впуская нас в небольшое два на два метра зеркальное квадратное помещение. Патрульные разошлись по углам. Я остался на месте. Раздался голос:

– Прошу занять место в центре.

– Я и так в центре, – пожал я плечами. Второй ткнул пальцем на едва заметное продолговатое углубление в самом центре пола, и для убедительности поторопил меня пинком. Шофёр заржал.

Я резко обернулся. «Дать бы ему в морду», – и забыв о наручнике, уже было шагнул к нему, но толстяк дёрнул меня за руку и кулаком стукнул второго в плечо, кивнув куда-то под потолок. Второй закатил глаза и отвернулся. Толстяк укоризненно глянул на него и неестественно громко сказал, уже обращаясь ко мне:

– Встаньте, пожалуй, в углубление в центре пола.

Я встал в углубление и перевёл дыхание: «Вежливый какой. Видеонаблюдение что ли».

Мгновенье ничего не происходило, затем сканер пронизал комнату сверху донизу, и следующая дверь открылась. Мы вошли в огромное помещение.

Множество стеклянных отсеков делили пространство на ровные ряды. За толстыми матовыми стенами ничего невозможно было разглядеть. От неожиданности увиденного, и попытки рассмотреть, что же там, я несколько притормозил, и тут же получил тычок в спину, который направил меня к стеклянному кубу, возвышающемуся в центре. Ещё одно сканирование и двери куба разъехали, впуская нас.

Внутри оказалась довольно уютная небольшая комната. Прямо напротив входа стена куба имитировала открытое окно в весёлый пронизанный солнцем берёзовый лес. Иллюзия была настолько явственной, что я втянул воздух и ощутил свежесть, наполненную ароматом лесных цветов, услышал отдалённое пение птиц. Интересно, показалось или действительно с элементом погружения?

На диване, занимавшем всю правую сторону куба, сидела женщина лет сорока. Быстрый взгляд внимательных карих почти чёрных глаз из-под густой чёлки тёмных коротко стриженных волос, и она отложила на диван книгу, встала, одёрнув чёрный китель, из рукавов которого виднелась узкая полоска белоснежной кружевной рубашки, такое же кружево украшало и воротник. Громко цокая каблуками белых туфель, узкие мысы которых выглядывали из-под чёрных брюк, облегающих стройные ноги, она подошла к патрульным и поздоровалась с ними за руку. Мне руки не подала, только чуть кивнула, слегка нахмутив чётко очерченные бровки. Потом прошла к пульту, в центре которого разместился компьютер в окружении множества каких-то кнопок, тумблеров всевозможных форм и размеров. Над пультом всю стену занимал экран. Чуть поддёрнув узкие брюки, она села в кресло перед пультом, и, крутанувшись на нём, повернулась к нам, с интересом разглядывая меня. Толстяк, видимо, старший патрульный, уже расстёгивал планшет. Доставал оттуда мой браслет и передал женщине.

– Ребят, хотите кофе или чай?

– Можно, – сказал второй.

– Заметьте, это не я сказал! – проворчал толстяк и с довольным видом покосился на сервировочный столик, который стоял недалеко от дивана, рядом с полуметровым шкафом-меню.

Он кивнул мне на металлический стул, одиноко стоящий в углу рядом с входной дверью. Я сел, а толстяк, отстегнув с моей правой руки наручник, пристегнул его к стулу.

– Да брось, Димитрий, – проворчала женщина, – куда он тут денется?

– Так спокойнее, а то кто его знает, может он псих какой. Что ещё экспертиза покажет, почему это он кидается на людей. Ничего с ним не случится, если так посидит, – он отвернулся от меня и пошёл к дивану, где уже сидели шофёр и второй. Женщина что-то быстро набрал на табло шкафа-меню, и комнату наполнил аромат кофе и свежее испечённой сдобы. Я сглотнул слюну, все-таки со вчерашнего дня у меня во рту ничего не было, и пошевелился. Стул подо мной закрипел, но не двинулся с места. Привинчен. Заметив моё беспокойство, женщина взглянула на меня и сказала:

– Сейчас оформлю вас и определю на место, там вас покормят.

– Ой, Офелия, я тебя умоляю, – толстяк Димитрий скорчил рожу, – нашла о ком беспокоится.

Офелия нахмурилась и повернулась к нему, но не смогла удержать улыбку, увидев какой огромный кусок бисквита вытащил из шкафа-меню и собирался отправить в рот Димитрий:

– Ешь уж, обжора.

– Почему это обжора, – обиделся тот, – просто с утра ничего не ел.

– С какого утра? – засмеялась Офелия. – Сейчас только четыре часа, рассвет скоро.

– Не пеегегай, – довольно отдуваясь, промямлил Димитрий набитым ртом.

Офелия покачала головой и вернулась к компьютеру, занесла в него мои данные, синхронизировав браслет. Через несколько минут она закончила и повернулась ко мне.

– До решения суда ваш браслет останется у нас, будет храниться в сейфе, – она встала, и подошла к огромному, выше её роста, вмонтированному в стену сейфу, который расположился по другую сторону от входной двери. Встав ко мне спиной, она, по-видимому, набрала нужный код или приложила свой браслет, и сейф открылся. Его огромный размер позволил мне немного разглядеть содержимое. Оно состояло из множества ячеек, одинаковых по размеру и пронумерованных. Дверца сейфа захлопнулась, и женщина повернулась ко мне. В руке она что-то держала. Она подошла ко мне. Похоже... Точно. Это был браслет. Станный браслет. Он отличался не только формой, но и цветом, и был не телесного цвета, как обычно, а ярко-красного.

–А пока у вас будет этот браслет. Он необходим для фиксирования состояния вашего здоровья и местонахождения. Протяните левую руку.

Я сделал, как она просила.

Она ловко надела браслет и быстро защёлкнула его на моем запястье. Поднесла к нему свой браслет, и маленькое окошко осветилось мягким зеленоватым светом, но в нем ничего не высветилось.

– Так, – продолжала она, – с боку три кнопки. Видите? Верхняя – информация о вашем здоровье и местоположении; та, что посередине, – экстренная связь с дежурным; и нижняя, которая ближе к вам, – таймер-напоминалка: все сообщения, которые будут вам приходить в течение суток, хранятся в памяти браслета и вызвать их можно, нажав эту кнопку. Все распоряжения по распорядку дня вам будут поступать именно на ваш браслет. Чтобы вы не забыли и не нарушали распорядок и нужен таймер. Будьте уверены, за неподчинение дежурному или нарушение режима последует строгое наказание. А карцер у нас – не самое приятное место на Земле, можете даже не сомневаться, – она заправила волосы за уши и внимательно посмотрела на меня, – Всё понятно?

– Понятно.

– Отлично, – она отошла к пульту, села в кресло и что-то быстро набрала на клавиатуре. На экране появился зал со стеклянными отсеками, что я видел при входе, но теперь большая часть из них светилась мягким тёмно-серым цветом, а примерно десятая часть прозрачно – зелёным.

– Так, хорошо. Вот хотя бы эта, – Офелия навела курсор на один из прозрачно-зелёных отсеков, увеличивая его в размерах. Разглядеть его мне не удалось: послышался резкий громкий звук сирены. Я вздрогнул. Отсек снова свернулся в маленький куб и затерялся среди таких же. А на экране быстро увеличивался в размерах огненно-красный пульсирующий куб-отсек. Дежурная, торопясь, вводила какие-то команды на пульте управления.

– Арестованного в 346-й, быстро! – приказала она, не оборачиваясь.

Пока меня отстёгивали от стула и выводили из приёмной изолятора, я краем глаза следил, как огненно-красный отсек увеличился, пока не занял почти четверть экрана. Стены его бледнели, стали прозрачными. Уже у входа я разглядел мечущихся в нём людей. Похоже, там была драка. Два человека, сцепившись, боролись, пытаясь завалить один другого. Вот они не удержались на ногах и упали, что было дальше, я не успел увидеть.

Со словами:

– Не крути башкой, – Димитрий вытолкал из комнаты.

Насколько я мог понять по экрану в дежурной части изолятора, отсек, куда меня привели, был стандартной клеткой для содержания арестованных до принятия судом решения об их дальнейшей судьбе и до отправки в места назначения. Это был стеклянный куб три на три метра. Сразу за входной дверью во всю стену тянулся метровый выступ. Там расположился санузел с туалетом, душем и умывальником, которые были разделены полупрозрачными перегородками. Вдоль стен напротив друг друга располагались две одинаковые кровати с прикроватными тумбочками. Отличало их друг от друга лишь то, что на одной из них было скомкано одеяло, а на тумбочке лежало несколько книг. У противоположной от входа стены стоял большой стол с двумя стульями по обеим его сторонам. Над столом две одинаковые полки с посудой и столовыми приборами.

За столом сидел худенький подросток и что-то читал. При нашем появлении он поднял голову, и я понял, что передо мной взрослый мужчина, который, скорее всего, много старше меня. Его необычное лицо удивило меня: худое продолговатое с впалыми щеками. Светлые прямые волосы, стянутые на затылке в хвост, придавали ему мальчишечий вид. Но больше всего меня поразили его холодные серые глаза: пронзительно-острый взгляд их, казалось, задавал нескромный вопрос, и если бы он не был бы таким равнодушно-мимолётным, то его можно было бы принять за вызов. Взглянув на нас, он снова уткнулся в книгу.

– Симонс, четыре утра! Тебе что, снотворное прописать? Чего глаза портишь?

– Правилами не запрещено.

Мой провожатый хмыкнул и ничего на это не ответил. Подтолкнул меня в спину:

– Вон твоя кровать. Ложись, спи. Завтрак ещё не скоро.

Теперь уже хмыкнул Симонс.

– Что такое? Чего ты тут, усмехаешься? В карцере давно не был? – взбеленился полицейский и двинулся на него.

Симонс оторвал взгляд от книги и посмотрел на патрульного. Похоже, холодный душ его глаз быстро остудил пыл Дмитрия, он вдруг стушевался и, бубня угрозы, попятился к двери. Дверь за ним захлопнулась, клацнув замком.

Симонс перевёл взгляд на меня. На мгновение меня как будто резануло стальным ножом, но взгляд его уже принял равнодушное выражение. Я растерялся. Раньше мне не доводилось сталкиваться с людьми, у которых глаза столь живо отражали их чувства. От неожиданности я брякнул первое, что пришло мне в голову:

– Здравствуйте.

Мужчина молча кивнул и снова устался в книгу.

Я несколько секунд постоял и направился к своей кровати. Постельные принадлежности я нашёл рядом на тумбочке, и вскоре уже лежал, прикрыв глаза. В голове мелькали воспоминания прожитого дня. Каким длинным он был. Как целая жизнь. Вчера я достиг того, к чему так упорно шёл все эти годы. Какие неограниченные возможности открывались передо мной. Я так давно мечтал о личной лаборатории, о свободном творчестве, которое мог ограничивать только полет фантазии; так жаждал иметь голос, к которому прислушивались не только мои друзья и подчинённые, но я смог бы участвовать в Совете Науки! Принимать участие в обсуждениях того, что действительно важно для Земли и какие исследования требуют повышенного финансирования. И всё рухнуло. Из-за чего? Из-за моей дурости. Сначала из-за этого идиотского предложения шефа, а потом... Фёка... Ну что я взбесился-то, в самом деле. Я же знал, чувствовал, что все как-то так и должно закончиться. Давно уже Фёка отдалилась от меня, сблизившись с Клео, давно перестала быть женой, оставаясь только любовницей. И меня же это вполне устраивало: любимая работа и хорошенькая любовница, что ещё нужно человеку? Если бы не ребёнок. Зачем она убила моего ребёнка! И так подло, втихаря. Ну, в крайнем случае, если уж ей так не хотелось тратить на него своё время, мы могли бы отдать его на воспитание, многие бесплодные семьи мечтают о естественно родившемся

ребёнке. Я хотя бы знал, что он жив. А как бы я жил? Вспомнился отец. Ушёл бы я от Фёки ради сына? Заболело сердце, и голову вдруг стиснули тиски. Стоп. Стоп. Не думать. Ушёл бы! Но Фёка! Какая жестокость! Она же не была такой. Это всё Клео, эта гадина-массажистка! Жаль, что я не придушил её. Всё равно ушёл бы. Но я не стал бы таким, как отец. Нет. Никогда. А что теперь?

Кровать жалобно заскрипела, когда я очередной раз перевернулся на другой бок. Словно в ответ я услышал, как захлопнулась книга.

– Не спишь?

Я сел и глянул на Симонса.

– Нет, не спится что-то.

Тот понимающе кивнул и усмехнулся:

– Хочешь поговорить?

– Да, нет. Не знаю. Я сам ещё не понял, что я хочу, – как-то незаметно и естественно мы вдруг перешли на «ты».

– Что случилось-то у тебя? За что попал сюда?

Я опёрся спиной о стену, и уставился в потолок.

«Кто бы знал, – думал я – что случилось у меня. Если бы я знал, почему я, тот, кого все считали всегда спокойным и уравновешенным, да и сам я себя считал именно таким, вдруг вышел из себя, да так, что чуть не убил человека».

– Сожительницу чуть не придушил.

– Убивец, значит, – усмехнулся он. – И за что, можно узнать? По морально этическим соображениям, как поборник древне-традиционной семьи или потому что плохо ублажала?

– Да нет... Она настояла, чтобы жена сделала аборт, а мы так хотели ребёнка.

– Мы? Вряд ли кого-то можно убедить сделать то, чего он не хочет, – недоверчиво переспросил он.

– Ну да, скорее я.

– А зачем ребёнок-то тебе?

Я резко выпрямился и повернулся к нему. Хотел было ответить, но махнул рукой, снова лёг и отвернулся к стене:

– Долго объяснять.

Через пару минут он спросил:

– Есть хочешь?

– Нет, спасибо. Только если, кофе бы выпил.

– Ну, давай вставай.

Я поднялся и прошёл за стол, сел на стул напротив него.

– У тебя браслета пока нет, я угощаю, – он наклонился к шкафу-меню, который стоял за столом под самым окном. – Тебе какой?

– Без молока, но, если можно, с двойным сахаром.

– Можно, чего ж нельзя, раз сам предложил, – улыбнулся тот, нажимая клавиши меню и прикладывая браслет к окошку оплаты.

– А у тебя уже был суд? Раз браслет отдали.

– Был.

В аппарате зашумело, и он выстрелил белой кофейной чашкой, которая точно упала в глубокую выемку. Аппетитно забулькало, и через несколько секунд аромат кофе распространился по комнате. Я с наслаждением вдыхал его. Симонс поставил чашку на стол и подвинул в мою сторону, рядом положил бутерброд с валяным мясом.

– Мясо-то ешь?

– Ем. Спасибо. А сам?

– Я сыт. Хотя, можно за компанию. Он налил и себе, но теперь пахло зелёным мятным чаем, запах которого был почти сразу же заглушён молоком, которое щедро долилось в чашку.

Я удивлённо глянул на него.

– Болееешь?

– С чего взял? – покосился на чашку и засмеялся. – Нет. Я вообще пью только чай и только с молоком. Нравится так.

Я кивнул.

– А тебя за что сюда? – спросил я.

– За мировоззрение.

Я поперхнулся кофе и закашлялся.

– За мировоззрение? Это, за какое же? У нас же свобода воли и вероисповеданий, за мировоззрение в принципе не могут преследовать.

– Мой наивный молодой друг, – насмешливо проговорил тот. – То, о чем вы говорите, никак невозможно в любом обществе. Так как само общество – это и есть мировоззрение, то, которое оно понимает и принимает, как более выгодное ему сейчас. И потому всякое иное мировоззрение, которое идёт с ним в разрез, трактуется обществом, как опасное преступление, потрясающее его основы.

Я хмыкнул, глотнул кофе и спросил:

– Ну, и что это за такое опасное мировоззрение, которым ты потрясаяешь устои нашего общества?

– Я не признаю Соглашение о Сотрудничестве.

– Как так? – опешил я.

– А что тут удивительного? Вот странные люди, право слово, которые признают свободу и равенство всех и во всем, но не допускают и мысли, что с ними могут не согласиться. – Он отпил чай и вдруг спросил: – Скажи вот мне, что самое главное для молодого человека в двадцать один год?

– Ну-у-у, у каждого своё.

– А у тебя что?

Я задумался:

"Что для меня было самым главным? Год окончания университета, год подписания Соглашения, – я невольно улыбнулся, вспомнив, как чуть дрожащей рукой вводил свои идентификационные данные в личное Соглашение о Сотрудничестве, заключённое между мною и Обществом. Как торжественно прикладывал браслет с личной подписью, удостоверяющей её. О чем я тогда мечтал? Да и мечтал ли? Мечтал! Ещё как мечтал! Я видел себя знаменитым академиком, открывшим человечеству новые горизонты науки. Самым главным академиком, занимающим высший социальный уровень, решающим судьбу науки и человечества. Открытие людям космоса. Межпланетные перелёты. Космические инопланетные станции, – я усмехнулся и покосился на Симонса. Глупо как-то открывать душу нараспашку перед этим фактически посторонним мне человеком.

Симонс внимательно смотрел на меня. И словно прочитав мои мысли, усмехнулся и сказал:

– Ну, конечно, высшая ступень социального уровня – предел мечтаний, кто бы сомневался.

Я смутился.

– С чего ты взял?

– Да у тебя на лбу написано.

– Глупости, – буркнул я.

– Ну, а вот мне важнее всего была свобода. Возможно, казалось, что я испытал на себе её отсутствие в полной мере. Может быть. Может быть. Хотя вот ни дня не жалею.

– А сколько тебе лет, и как же ты вообще живёшь без подписания Соглашения?

– Я с тридцатого. Пятьдесят исполнилось в январе. В год, когда приняли Декларацию, мне уже исполнилось двадцать один, но я не подписал её. И с тех пор, – он дурашливо развёл руками и чуть поклонился, – асоциальная личность, живущая на пособие.

– Но почему? Ты в то время был ещё совсем молодым, да и университет, должно быть закончил? Почему ты отказался от всего!

– Нет, я был Созидателем. Университеты не для нас. После школьного испытания меня порекомендовали в повара. К тому времени я успел окончить профессиональное училище кулинаров, и даже стал замом шеф-повара ресторана. Хороший, знаешь ли, ресторанчик был. Самый престижный в нашем элизии. Но шеф попался такой въедливый, – Симонс засмеялся, – что я мечтал сбежать куда-нибудь, и, конечно же, и открыть своё дело. Но сбежать из элизии немыслимо, мы все, как рабы, пожизненно были прикреплены к нему. А открыть своё дело там было невозможно: не пробиться начинающему среди монстров ресторанного бизнеса семьи Фуксов. Они держали все под контролем. Даже кофейни, – Симонс замолчал, крутя в руках чашку. Потом продолжил: – Конечно, никто попробовать не запрещал. Но нужны были и деньги, и имя. А у меня в двадцать один год, как понимаешь, не было и ни того, ни другого. И я смирился,

решил, придёт время, и я обязательно стану известным шеф-поваром, и открою свой ресторанчик. А тут такая удача! Открыли границы элизия. Да ещё кинули всем неплохой кусок ЧИВ. Я и уехал искать место, где можно открыть своё дело. А играть с обществом в игры подписаний-обязательств желания не было. Всякое обязательство, ограничивает свободу, а мне казалось, что этого я нахлебался выше головы. С тех пор я сам по себе.

– Ого! Хорошо сохранился с таким-то мировоззрением. В любом случае в двадцать один год ты, как ставший совершеннолетним должен был перезагрузить свой браслет на новый уровень. Не будешь же ты утверждать, что у тебя до сих пор детский браслет?

– Нет, конечно. Я уже давно лишился подобной привилегии: и мне в год совершеннолетия перезагрузили браслет, только я не удостоился чести быть переведённый на следующий социальный уровень. Мой уровень стал нулевым. Таким и будет всегда.

– А как же мечта о ресторанчике? ЧИВы негодились?

– Молод был и глуп. Принимал всё за чистую монету. А рабство как было, так и осталось: без заключения Соглашения с Обществом невозможно вести дела от своего имени. Меня же, как члена Общества, который может официально открыть своё дело, заключать договоры, платить налоги, не было. Для этого нужен был хотя бы профессиональный минимальный социальный уровень. А что я? С моим-то нулевым. Да к тому же соблазнов открытых границ было много, а полученных ЧИВ мало. Их я быстро и прокутил.

– Но ты должен получать ежемесячное пособие – гарантированный минимум, есть на что жить, почему же ты здесь?

– Ну как, почему? – улыбнулся Симонс. – Потому что, мне нравится принцип свободы и равноправия, даже больше, чем обществу, которое их провозгласило и заставляет следовать им под страхом их потери. Я пользуюсь этими принципами в полной мере. Иначе вряд ли я бы смог безбедно прожить.

Я недоуменно смотрел на него, наконец, меня осенило:

– Симонс, ты – вор?

Он засмеялся:

– Почему сразу вор? Я просто пользуюсь тем, чем предлагают воспользоваться.

– И ты считаешь это верным мировоззрением, пользоваться трудом другого человека, ничего не давая взамен?

– Ну почему же ничего, – усмехнулся он. – Вон целую чашку ароматного кофе и бутерброд.

Я поперхнулся и отодвинул от себя чашку.

Симонс хохотнул:

– Не бойся, это же с браслета списали, как ты видел, с пособия. Ничего ворованного ты не ел.

– Нет, я понимаю, можно украсть из-за нужды, голода. Но как же ты умудрился украсть, если все платежи оплачиваются браслетом? Ты хочешь сказать, что ты брал с прилавка и убегал?

– Я что, по-твоему, похож на спортсмена-бегуна?

– Но тогда как? ИИ же обмануть нельзя.

– Ну, зачем ИИ? ИИ нельзя, людей можно. Особенно женщин, они такие доверчивые и так поддаются состраданию и собственным чувствам, ты же сам уже убедился. Особенно, если кто умеет утолить голод не только желаний, но и реальный, да не просто утолить, а побаловать изыскано-вкусными блюдами.

– Симонс, ты – альфонс!

– Фу, какие громкие слова, чувствуется, что их говорит идеальный член общества и – Симонс прищурил один глаз и осмотрел меня, как просканировал, – и, скорее всего, аж шестого социального уровня последней ступени ответственности.

– Мог бы им вчера стать, если...

– Вот именно, если! С работой-то, что не так?

– Ты мне не ответил. За что тебя сюда посадили, конкретно?

– Ну, если конкретно, то моей женщине, с которой я сошёлся последние три месяца, не понравилось, что я позаимствовал кое-что из её вещей и ушёл, не прощаясь, когда она плескалась в душе после нашей бурной ночи. Но я думаю, что это не главное, скорее всего, я не очень удовлетворил её в тот раз, – он вздохнул. – Да виноват, был не в лучшей форме, в самый ответственный момент задумался о том, что мне лучше пригодится дублёнка или шуба. Зима же скоро, а на моё пособие кроме как куртёнки до пупа ничего не купишь. Мёрзнуть я стал в куртёнках-то. Все-таки пятьдесят уже. Не мальчик.

– И часто ты вот так...

– Как так? Ночую в дежурном изоляторе?

Я кивнул.

– Да нет, этот третий раз будет. Первый раз – совсем пацанёнком был, почти сразу после того, как не подписал Договор о Сотрудничестве. Второй – когда по глупости взял ключ от чужой машины. Тоже молодой ещё был, да и электромобиля у меня никогда не было, не знал, что ключа недостаточно, и что сканер ИИ машины заблокирует двери, после того, как включу зажигание. И вот теперь третий раз. Видно, стареть начал, раньше женщины сами понимали, что мне нужно и легко меняли это на знаки внимания с моей стороны. А с этой что-то обломилось. А может просто патологически жадная попалась, да и уж больно страшна. Желания не было с ней флиртовать, ну совсем. А женщины это чувствуют. Вот, видишь, не простила.

Я молчал.

– И как же ты теперь?

– О! я думаю, что все будет просто изумительно. Прекрасно перезимую в каком-нибудь монастыре. На меня тут оказывается с прошлого раза заявки лежат – святоши тоже любят вкусно покушать, – засмеялся Сименс.

– В монастыре? Почему в монастыре?

– Ну да. Общество прекрасно сотрудничает с церковниками: одни предоставляют свои монастыри и услуги по перевоспитанию оступившихся, а другие с удовольствием оплачивают это сотрудничество, щедро переводя ЧИВы. Согласись, глупы были наши предки, отделив религию от государства, когда можно было наладить столь взаимовыгодное сотрудничество в местах не столь отдалённых и со столь строгим режимом, – он хмыкнул и отпил чай.

Я не мог усидеть на месте, вскочил и стал быстро ходить по комнате.

– Ты чего замельтешил-то? – удивился Симонс.

Я резко обернулся к нему.

– Знаешь, а ведь мне на днях было предложение из монастыря на заключение контракта! И как раз по моему профилю! Ты понимаешь, что это значит? – я быстро сел к столу и обхватил чашку руками. – Понимаешь? – почти шёпотом повторил я.

Симонс ухмыльнулся:

– Чего ж тут не понять? Надеешься продолжить свою работу? Это вряд ли. Для осуждённых у них отдельные монастыри, специальные. Тем более для почти убийцев. Хотя, если бы ты придушил свою любезную, то загремел в подземелье Башни, а так.... Какой монастырь-то предлагал?

– В обсерваторию Уральского какого-то, я особо не интересовался.

– А что так? Климат не подошёл? – съехидничал Симонс.

– Издеваешься? Я – цивилизованный человек, какой монастырь?! Дикость какая-то!

– Угу, угу, зажрался ты, похоже, вот тебя жизнь и тюкнула. А об Уральском забудь, я-то в первый раз, когда сюда попал, все изучил, куда отправить могли. Не было среди них никакого Уральского, а уж тем более с обсерваторией.

Я глотнул кофе.

– Расстроился что ли?

– Да нет. Все равно.

– Ну, ты и врать.

– Нет, правда, если не по своей работе, то все равно куда. Просто интересно куда. Обидно, – я вскинул голову, – ну как же так? За убийство живого ребёнка никому ничего, а за возмущение по этому поводу – тюрьма. Как это понять? Общество справедливости!

Симонс покачал головой:

– Не приписывай людям лишнего. Какое общество справедливости? Ты уже здоровый балбес, хорош в романтизм играть! Социальная справедливость одно, а человеческие отношения – другое. Социалка и справедливость – это просто экономические термины системы перераспределения через ИИ. Как ему задачу перераспределения люди поставят, так он и будет её выполнять. А жизнь – не экономическая система, тут своя справедливость. И вообще кончай умничать, у меня от тебя изжога начинается. Живи просто и будет тебе и счастье, и справедливость, – он поднялся и, потягиваясь, пошёл к своей кровати. Разулся и, улёгся, закинув руки за голову. – Иди, поспи. Через месяц все сам узнаешь, и про монастырь, и про справедливость. До суда больше месяца не ждут, – уже засыпая, пробормотал он.

Глава 6. Суд

Я проспал до вечера, а когда проснулся, Симонс всё также сидел и читал, как и тогда, когда меня привёл Димитрий. Кровать подо мной заскрипела, я сел. Симонс взглянул на меня:

– Проснулся? Ну, и горазд ты спать.

– Что ж ты меня не разбудил?

Он пожал плечами.

– Что и не приходили за мной? – удивился я.

– А кому ты, собственно, нужен? – буркнул Симонс, снова уткнувшись в книгу.

– Ну, не знаю, – на ходу бросил я, спеша в туалет, – я думал, с утра будут допросы, к следователю вызовут.

– Вызовут, вызовут, – донеслось до меня сквозь шум воды.

Я умылся и почувствовал зверский аппетит.

– Поесть ничего не приносили? Ужасно есть хочется.

– Ещё бы, – хмыкнул Симонс и снял со стола полотенце. Под ним обнаружили два небольших вакуумных контейнера. – Иди. Твой обед. Надзиратель будил тебя, да ты только мычал и всё норовил пнуть его, он плюнул и ушёл.

– Да? – смутился я, – Совсем ничего не помню.

Я сел за стол и открыл лоток, что побольше. В нём обнаружилась нечто странное желеобразное жёлто-землистого цвета. Я тронул это ложкой, и оно заколыхалось.

– Что это такое?

– Как что? – усмехнулся Симонс, – Обед.

– Это что, есть надо? – недоверчиво покосился я на него, уж не разыгрывает ли он меня?

– Хочешь ешь, хочешь не ешь. Другого не будет.

Я нерешительно отломил маленький кусочек, понюхал, но не ощутил никакого запаха. Поколебавшись, сунул в рот, где он почти мгновенно растаял. Ничего. Никакого вкуса. Я растерянно посмотрел на Симонса, тот насмешливо следил за мной.

– Ешь, не привередничай, – сказал он, видя как я непроизвольно скривился. – Тебе что тут деликатесами должны кормить? Нормальная синтетическая еда. Содержит все необходимые витамины и минералы. Дёшево и сердито.

Я кое-как проглотил половину порции и закрыл контейнер. В желудке ощущалась тяжесть, которая перебивала чувство голода. Открыл второй, что поменьше. В нем был налит какой-то серый тягучий кисель, тоже ничем не пахнущий. Я сделал глоток этой густой воды:

– Тут что, всегда так кормят?

– Всегда.

Я не мог сдержать стон, что-что, а поесть вкусно я любил.

– Привыкнешь, – сказал Симонс и снова уткнулся в книгу.

– Слушай, – отправляя контейнеры в мусорную корзину, спросил я, – а когда же меня к следователю вызовут?

Симонс оторвался от книги, глянул на меня и пожал плечами.

– У каждого по-разному. Насколько я понял, на допрос вызывают после того, как человек приходит в себя и более-менее успокаивается, смирившись. Оно и понятно, спокойнее фон, меньше ошибок.

– Какой фон, каких ошибок? – удивился я.

– Долго рассказывать, – поморщился Симонс, – скоро сам узнаешь, а у меня книга интересная, – он перевернул страницу.

Я от нечего делать походил по отсеку, просмотрел книги в библиотеке. Читать не хотелось. В голове крутились мысли о предстоящем допросе, о том, кто будет у меня следователем, и сумеет ли он понять меня. "Надо постараться всё объяснить. Он должен понять!", – крутилась мысль. Очень хотелось поговорить с Симонсом, расспросить, как у него всё проходило. Я терпеливо ждал, когда он отложит книгу, чтоб начать разговор. Наконец он захлопнул её, бросил на стол и потянулся:

– Полный бред.

Я уж было хотел спросить его, как дверь открылась и вошёл охранник.

– Олег Иванов, на выход! – приказал он.

Мы пошли по знакомому мне узкому коридору между стеклянными кубами-камерами, матовые стены которых не давали разглядеть, что там происходило. Тишина была такая, что через пять минут начало казаться, что я во сне или в бреду. Стены начали сдвигаться, коридор сужаться, и вот уже я это не я, а мошка, которая попала в прозрачную тягучую смолу и едва перебирает лапками, закованная в ней навеки.

Коридор повернул за угол, и я чуть не наткнулся на охранника, что вернуло меня в реальность. Мы стояли напротив очередного куба, ничем не отличающегося от других. Охранник приложил к опознавателю браслет, и дверь бесшумно отъехала в сторону. Он обернулся ко мне и кивнул:

– Проходи давай!

Я вошёл и остановился у входа. Напротив стоял большой стол, перед ним – высокое кресло, от которого шли провода к столу. Над креслом висел колпак из

сетчатого металла. Ни за столом, ни в кресле, нигде в комнате не было никого.

– Что встал-то! – проворчал охранник, толкая меня в спину.

Я невольно сделал несколько шагов вперёд. Дверь за мной захлопнулась, и я остался один.

– Проходите, пожалуйста, к столу, – услышал я голос, и огляделся, пытаюсь найти того, кто со мной заговорил.

– Проходите, проходите, ничего не бойтесь. Садитесь, пожалуйста, в кресло.

Я прошёл вперёд и увидел в центре стола миниатюрный компьютер в виде человеческой головы, лицом повёрнутым в мою сторону. На меня смотрели глаза, мерцающие синим спокойным цветом. Лицо благожелательно улыбалось. Нельзя было понять мужское это лицо или женское, как нельзя было это определить и по голосу. Это не был неживой, искусственный голос машины. Странное чувство вызвал он, чувство чего-то очень знакомого, но позабытого.

– Приветствую вас! Позвольте представиться. Я – ваш следователь, мой идентификационный номер С-ИИ-15. Прошу вас сесть в кресло и ни о чём не беспокоится.

Я поражённо ответил:

– Здравствуйте.

И тут же опомнился: «Что за ерунду я мелю, какое может быть у компьютера здоровье», и рассердился на себя. Прошёл к креслу, сел.

– Чувствую вашу негативную энергию. Вам совершенно не о чем беспокоится. Процедура стандартная и абсолютно безболезненная, ни в коем случае не навредит вашему здоровью. Всю необходимую информацию мы уже считали с вашего браслета, необходимо оценить ваш эмоционально-психологический уровень. Эта экспертиза нужна для правильного вынесения вердикта судьями.

Кресло было удобным, я постарался взять себя в руки. «А, собственно, что я ожидал? Зачем какие-то разговоры разговаривать, когда можно элементарно просканировать и узнать, как всё было, что я говорил и что делал. Всё правильно».

С тихим жужжанием на голову мне опустился шлем.

– Пожалуйста, расслабьтесь, закройте глаза и постарайтесь ни о чём не думать. Вы можете почувствовать лёгкое головокружение, но это вполне естественно и безопасно.

Я закрыл глаза. Мгновение ничего не происходило. И вдруг голова моя закружилась. Верх и низ поменялись местами и всё вместе со мной полетело в пропасть. Я вцепился в подлокотники. Перед глазами замелькали картинки: вот я вошёл в куб, вот иду по коридору, вот разговариваю с Сименсом....

События моей жизни покручивались в обратную сторону, скорость их все увеличивалась и увеличивалась, я пытался анализировать происходящее, пока не потерял сознание.

Очнулся я от того, что звучала тихая нежная музыка. Она успокаивала, наполняла грудь теплом и светлой радостью. Не хотелось открывать глаза, так бы слушал и слушал эту мелодию всю жизнь.

– Как вы себя чувствуете?

Я открыл глаза. Вспомнил всё. Я все также сидел в кресле, только шлем с головы был снят.

– Хорошо.

– Спасибо. Всё прошло успешно. О результатах вам будет сообщено во время суда. Желаю вам всего доброго. Сеанс закончен. Вы можете идти.

Я встал с кресла и, покачиваясь, направился к двери. Она дрогнула и открылась, на пороге меня ждал охранник.

Симонс оказался прав. Не прошло и месяца после моего ареста как в восемь утра за мной пришли. Но ещё раньше за день до отправки моего напарника к месту назначения, он всё-таки провёл со мной разъяснительную работу. Сам я никогда не интересовался ни религией, ни теми, кто ею увлекался, а потому с любопытством слушал его.

В наше время отпал многовековой вопрос человечества: быть ли религии государством или отделить её от махины принуждения, создав видимость свободы человека от религиозных догматов. Я долго не мог понять, как можно отделить от государства деятельность людей, если на них распространялись все его законы? Подумать только, когда-то это было серьёзнейшей проблемой: религия требовала полного подчинения человека своему регламенту, и не только того, кто её разделял, но и всех членов общества, принуждая их следовать традициям и ритуалам под угрозой отлучения и придания анафеме – изгнанию и проклятию отступников из общины, объявляя войны иноверцам.

Но разве мог современный человек поместиться в рамки средневекового догмата? Религия становилась серьёзным препятствием развития общества, объединения людей. Вера в Бога заменяла веру в себя. А как без веры в себя человек мог стремиться в будущее? Как без веры в себя человек мог пылливо и смело исследовать неизвестное, развивать науку, дерзнуть на эксперимент и познание непознанного? Религия всё больше становилась инструментом сдерживания человека, запугивания его страшными муками за неповиновение, деления общества на касты, пока люди не сбросили эти оковы, отделив религию от государства и превратив её в "хобби" и личное дело интересующегося. Хотя.... И тогда государству фактически не выгодно было полное отделение, уж очень хорошим поводом было религиозное подчинение человека. Государство так и не смогло полностью от него отказаться, пытаясь через веру воздействовать на психологию и жизненный уклад людей, а самое главное, на их лояльность к власти, какой бы она не была. Всё ведь от Бога!

Теперь же, вместе с вопросом о форме государства, которое эволюционировало в Общество, объединяющее людей по принципу их добровольного согласия на сотрудничество, отпал вопрос и о месте, которое занимала религия в этом Обществе. Остался только один выбор. Либо ты сотрудничаешь с Обществом, с такими же людьми, как ты, объединёнными едиными правилами общежития, и получаешь полный доступ к выбору своей

деятельности в нём, к интернет-вещам и услугам – ко всем общественным благам, созданным в нём, ровно в той степени, в какой ты сам вложил в них своего труда; либо ты отвергаешь это Общество, и оно отвергает сотрудничество с тобой, ограничиваясь выплатой благотворительного пособия, способного удовлетворить лишь минимальные потребности.

Жёстко? Возможно. Если не принимать во внимание принципы, на которых оно основано. Я был уверен, что Общество до нашего времени ничего не придумало лучшего, и теперь фактически ушло от диктата воли одного человека или группы лиц к свободному сотрудничеству, в котором контроль, за соблюдением прав человека, перешёл к самому незаинтересованному лицу – искусственному интеллекту.

Естественно, сейчас создавать организации могли только люди, подписавшие Соглашение о Сотрудничестве. А создавать они могли любые организации, на которые был запрос Общества и которые работали ему во благо. Потому любые организации, в том числи и религиозные, не могли быть отделены от этого Общества в принципе. Если раньше организация рассматривалась государством, как отдельное самостоятельное лицо со своими правами и обязанностями. Что было, на мой взгляд, было искусственным, не могут быть в обществе помимо его членов-людей, ещё какие-то лица-организации будто бы самостоятельно ведущие деятельность и за что-то отвечающие. Эта ложь лишь искажала саму природу человека, освобождая его ответственности за свои дела. Теперь же любая организация – это лишь форма деятельности конкретных людей, их зона интересов и ответственности. А потому, как и любая другая, религиозная организация не могла «принудительно» распространять свою деятельность на всё Общество. Она действовала лишь исключительно в своей мини-общине, объединившей людей с одинаковыми профессиональными интересами, добровольно принявших свою профессиональную иерархию с её персональными зонами ответственности.

Ни одна из религий не могла занимать доминирующее положение, как не могли доминировать интересы одних членов Общества над интересами других, в каком бы количественном соотношении эти интересы не выражались. Принцип равноправия незыблем.

Религиозная организация как, впрочем, и любая иная, деятельность которой направлена на удовлетворение общественных запросов, встраивалась в общую экономическую систему. В систему создания общественных благ личными

вкладами работников и перераспределения этих благ через налоговую систему и систему потребления, когда каждый член общества имел право на пользование созданными обществом благами в размере, пропорциональном его личному вкладу, определённом на основе универсального измерителя – времени жизни человека, потраченного на создание своего вклада в общественные блага, выраженного в ЧИВ (часовой индивидуальный вклад).

Одним из существенных источников дохода (ЧИВ) людей, объединившихся в религиозную организацию, был Департамент Юстиции и Правопорядка, когда для исполнения приговора об ограничении прав нарушителя Соглашения о Сотрудничестве, использовались монастыри с разной степенью строгости содержания в них. При этом право выбора монастыря – религиозного учреждения – оставалось за мировым Судьёй – официальным лицом, представляющим интересы Общества в каждом конкретном случае, но по рекомендации отдела Департамента Религиозного согласия, присутствие представителя которого было обязательным на каждом заседании суда. Потому не случайно вопросы юстиции, правопорядка и религиозного согласия были переданы в ведение одного Департамента.

Конечно, подобные правила действовали только в случае не тяжких преступлений. Преступников, совершивших тяжкие преступления, содержали в подземелье Башни Мира, но таких было меньшинство.

Ну что ж, посмотрим, что предложат мне. Когда за мной пришли, прощаться мне было не с кем: Симонса неделю как увели, и вряд ли теперь когда-нибудь я увижусь с ним. А в камеру ко мне так больше никого не поселили. Я окинул взглядом камеру: «Вот странно совсем немного времени, а я уже тут привык и даже, похоже, не хочу перемен, – и тут же оборвал себя, – ты просто боишься неизвестности, не ври хоть себе. Привык он. Разве можно привыкнуть к клетке?».

– Ну, скоро? – окликнул меня конвоир.

Я молча направился к выходу.

Зал заседания суда меня удивил, но не своей необычностью. Скорее наоборот. Когда мы поднялись на минус второй этаж, и меня ввели в комнату, то я увидел, совершенно такой же куб, в каком жил до сих пор. Единственное, что отличало эту комнату, был серый синтетический ковёр на полу, а вместо кроватей три стула вдоль стены. Мы сели: я посередине, конвоиры по бокам.

Напротив нас всю стену занимал экран с камерой над ним. Полчаса ожидания и экран ожил. Сначала появилось серебристое свечение, увидев его, конвоиры поспешно поднялись, потянув и меня. Я встал. Когда свечение рассеялось, я вздрогнул, увидев прямо перед собой лица, в упор смотревшие на меня с экрана. Их было пятеро. Каждое в своём окошке, похоже, трансляции велись из разных мест. Вверху в центре мужчина в чёрной мантии с гордо откинутой назад головой, что придавало ему строгий и даже надменный вид. Шапка тёмных с сильной проседью волос делала его крупную голову ещё массивнее. Руки покоились на подлокотниках кресла, спинка которого возвышалась над ним. Под его окошком я увидел надпись: Председатель Общественного Суда Элизия – Судья Измаилов П. – Департамент Юстиции, Правопорядка и Религиозного согласия. Шестой уровень социальной ответственности. Третья ступень.

Ниже шла надпись: «Общественные представители. Шестой социального уровня ответственности, третья ступень», под которой расположился видеоряд из четырёх окон.

Слева в первом окне на меня смотрела пожилая седая как лунь и очень красивая женщина со строгими глазами. Внизу под её окошком было указано: Камелькова И. – общественный представитель Департамента Науки, Образования и Культуры. Куратор направления культуры, эстетики и межличностных отношений.

Рядом с ней молодой мужчина с ранними сильными залысинами и укоризненным взглядом. Он чуть исподлобья смотрел на меня. Я взглянул ему в глаза и вздрогнул. Я узнал его. Можно было и не читать его фамилию и статус. Это был Свенстэн Онри – куратор кадров Департамента Науки, Образования и Культуры. Это он после выпускного испытания в Университете предложил мне работу в обсерватории Наукограда. Это ему я был благодарен за любимую работу и свою реализацию, как учёного. Мне неловко было смотреть ему в глаза, и я отвёл взгляд. Но любопытство взяло вверх, и я рассмотрел до конца тех, кто будет меня судить. Их было ещё двое:

Дюрик Ж. – полная молодая женщина, властно и, как мне показалось, недоброжелательно взиравшая на меня с экрана – представитель Департамента Человека и Среды обитания, куратор направления материнства и детства здравоохранения.

И последний – Гиббон К. – сухощавый старик, двумя руками опирающийся на трость, которая стояла перед ним – представитель отдела Религиозного согласия Департамента Юстиции и Правопорядка.

Раздался громкий голос председателя суда:

– Заседание Общественного Суда по делу № 8 – 3587/95 от 06 июня 2295 года объявляю открытым. Прошу садиться.

Мои конвоиры и я сели.

– Рассматривается дело обвиняемого – Иванова Олега 21 сентября 2263 года рождения, идентификационный номер 21092263285211[i] арестованного и представленного к общественному суду по заявлению потерпевшей – Сдищ Клео 11 февраля 2260 года рождения, идентификационный номер 1102226016210. Потерпевшая присутствует на заседании суда?

Справа в самом низу экрана зажглась новая видео иконка, на которой появилось изображение с интересом озирающейся Клео. Волна ненависти захлестнула меня, стало трудно дышать. Руки сжались в кулаки, словно я прямо тут хотел закончить незавершённое месяц назад.

Судья взглянул в бумаги:

– Хорошо, – продолжал он. – В присутствии свидетельницы Ивановой в девичестве Сбруевой Феклиссы 15 мая 2267 года рождения, идентификационный номер 1505226715389.

Изображение лица Фёки появилось рядом с Клео. Я едва узнал её, такой бледной и потерянной она мне показалась. Ненависть моя пропала. Но ни жалости, ни любви я не ощутил. Я смотрел на самого близкого мне человека, как на чужого. И только одна мысль мелькнула, не вызвав никаких чувств: «Побледнела,

переживает. Интересно, она меня видит?». Промелькнула и исчезла. И всё. И больше ничего. Так тихо и безразлично было всё во мне, что я удивился. Мне вдруг стал всё безразлично, и этот суд, и эти судьи, и Клео, и Фёка, нет, теперь уже Феклисса. Безразлично всё, что со мной происходит сейчас, что будет завтра, что будет потом. Мною овладело только одно желание, чтобы побыстрее всё закончилось, и чтобы все оставили меня в покое. Захотелось быть одному. Всегда. Я перестал вслушиваться в то, что говорил судья. И только отдельные фразы долетали до моего сознания:

– ... в онлайн-режиме с закрытым доступом, по просьбе потерпевшей Сдрищ Клео и свидетельницы Ивановой Феклиссы....

– ... как установлено следствием...

– ... опрос потерпевшей и свидетеля...

Всё заседание я смотрел на лицо Феклиссы. Я ничего не чувствовал, но почему-то не смотреть я не мог. Кроме неё я ничего не видел и не слышал. Судья обращался ко мне с какими-то вопросами, и я что-то отвечал, но что спрашивали и что я отвечал, не запомнил. Сколько продолжался суд, я тоже не знал. Кажется, бесконечно долго.

Вдруг резкий тычок в бок привёл меня в себя, и я удивлённо взглянул на конвоира.

– Не спи! Встань!– прошипел он и кивнул на экран.

С него на меня все смотрели, видимо, чего-то ждали. Я встал. Молчание затянулось.

– Чего молчишь-то? Последнее слово тебе, – прошипел конвоир.

Последнее слово! Я что-то должен сказать. Что сказать?

– Мне нечего сказать, – тихо проговорил я.

– Может быть, вы хотите обратиться к потерпевшей? – спросил Судья.

– Не будь дураком, прощения проси, – шептал конвоир.

Я дёрнул плечом и взглянул на Клео. Она сидела, насупившись, и исподлобья смотрела на меня.

«Я жалею, что не придушил потерпевшую до конца», – мелькнуло в голове.

Я молчал.

– Ну, хорошо, садитесь. Суд удаляется для принятия решения.

Экран погас, и я обернулся к конвоиру, который всё время подсказывал мне, как себя вести. Я только теперь разглядел, что это был добродушный голубоглазый парень с круглым лицом и носом картошкой, с открытой располагающей улыбкой.

– Очухался? – усмехнулся он.

– Михей, я пойду, принесу что-нибудь перекусить, – сказал второй конвоир, поднимаясь.

– Давай, Крон, принеси и этому что-нить. Тебе чего? – обернулся он ко мне.

– Спасибо, я ничего не хочу. Если только воду. Пить хочется.

– Ладно, – буркнул Крон и ушёл.

– И долго мы тут? Сколько обычно ждать решения?

– Да не, может полчаса – час. Повезло тебе, похоже, твоя жена упростила пострадавшую-то эту, и та отозвала заявление. Простили они тебя. Суд должен учесть.

«Простили! – обожгло меня. – Они простили! Эта гадина меня простила?!». У меня перехватило дыхание, и конвоир с тревогой глянул на меня:

– Ты что, парень? Плохо тебе что ли? Сердце? От радости такое бывает.

– Угу, от радости, – сквозь зубы процедил я, едва удержавшись, чтобы не врезать ему. От злости и бессилия меня колотило.

– Ты полегче! Охолонь! – словно почувствовав, отпрянул конвоир.

Я отвернулся. Вскоре дверь открылась, и вошёл Крон с подносом в руках. Конвоиры уселись за угловой маленький стол. Крон разлил из маленького пузатого чайничка по кружкам чай и достал из пищевого контейнера бутерброды. Михей бросил мне бутылку с водой, и я жадно припал к воде.

Через несколько минут Крон сыто откинулся на спинку стула и проворчал, поглаживая круглый живот:

– Давай жуй быстрее, Михей, может, успеем пару партий в нарды, – и, обернувшись ко мне, сказал, – а ты, если хочешь, можешь отдохнуть вон там, – и кивком показал на диван у противоположной стены под экраном.

– Спасибо, я посижу.

– Не робей. Вишь, как всё хорошо обернулось. Если б ты ещё не тупил и извинился, тогда б точно отпустили, – Михей вытер тыльной стороной руки лоснящиеся губы.

Я не ответил.

Через час заседание возобновилось. Председатель зачитал решение, теперь я слушал внимательно:

– В ходе заседания нами были рассмотрены документы, в том числе сформированные по личным данным персональных браслетов участников дела

№ 8 – 3587/95, а также экспертное заключение, подготовленное всемирной судебной компьютерной программой «Аналитик законодательства». Заслушаны обе стороны процесса и рассмотрены их заявления.

В соответствии с заключением экспертизы, опросом сторон и свидетельницы, установлено, что обвиняемый 5 июня 2295 года во время семейной ссоры, находясь в состоянии аффекта, пытался убить сожительницу, официально зарегистрированную в семье Ивановых. Причиной ссоры стала обоюдная неприязнь ответчика и сожительницы, а также аборт, сделанный женой фигуранта дела, без его согласия.

Таким образом, считаем доказанным тот факт, что подсудимым Ивановым Олегом нарушен Основной Закон – «Декларация о Сотрудничестве Землян» принятый 24 сентября 2251 года Всеобщим голосованием (Далее «Декларация о Сотрудничестве») и ратифицированный подсудимым в день его совершеннолетия, а именно, 21 сентября 2284 года.

Учитывая выше изложенное, Суд признаёт факт нарушения обвиняемым Первого и Второго Принципа Декларации о Сотрудничестве, а именно «Принцип Равенства» и «Принцип Гарантий Неотъемлемых Прав Человека», применение которых разъяснено Всемирным Сводом Законов и Правилами, регулирования Миропорядка, принятыми 23 декабря 2251 года.

Обвиняемый Иванов Олега 21 сентября 2263 года рождения, идентификационный номер 2109226328521 признается виновным, и подлежащим применению мер общественного воздействия в соответствии:

со статьёй 105.3 – негативное отношение к свободному волеизъявлению человека и непринятие его права выбора сексуального партнёра;

со статьёй 108.1 – негативное отношение к свободному волеизъявлению человека и неприятие его права выбора личного будущего, в части права выбора материнства или отказа от него;

со статьёй 235.1 – покушение на жизнь человека.

По совокупности признанной вины, и учитывая отсутствие раскаяния в содеянном Ивановым Олегом 21 сентября 2263 года рождения

идентификационный номер 2109226828521, компьютерная программа «Аналитик законодательства» на основании Всемирного Свода Законов и Правил, регулирования Миропорядка от 23 декабря 2251 года, установила объективный срок наказания – пятнадцать лет ограничительного применения к обвиняемому положений «Декларации о Сотрудничестве» в части ограничения свободы перемещений, местонахождения, выбора деятельности, а также лишения достигнутого им на настоящий момент социального статуса.

«Пятнадцать лет!», – сердце бухнуло и упало, в глазах у меня потемнело.

– Однако, принимая во внимание смягчающие вину обстоятельства, определённые статьями 105.23; 108.17 и 235.16. А именно то, что от потерпевшей – Сдиш Клео 11 февраля 2260 года рождения, идентификационный номер 1102226016210 поступило заявление, в котором она претензий к ответчику не имеет и просит считать покушение на её жизнь не злонамеренным, а совершенным в состоянии аффекта.

Кроме того, учитывая ходатайство жены ответчика – Ивановой в девичестве Сбруевой Феклисы 15 мая 2267 года рождения, идентификационный номер 1505226715389, характеризующее ответчика, как хорошего семьянина и человека, и её просьбу снять с ответчика все обвинения и считать произошедший конфликт недоразумением.

Рассмотрев положительные характеристики с места работы ответчика, Общественный Суд счёл возможным внести корректировки в проект решения компьютерной программы «Аналитик законодательства». Корректировки, рассматриваемого дела, заверены всеми членами Суда в установленном порядке. Воздержавшихся или не подписавших их нет.

На основании скорректированных данных компьютерной судебной программой «Аналитик законодательства» вынесен обновлённый проект приговора от 05 июля 2295 года по делу № 8 – 3587/95, открытому в производство 6 июня 2295 года.

Обновлённый проект приговора Общественным Судом Элизиума рассмотрен, утверждён и оглашается.

Общественный Суд Элизиума в составе:

Общественного Судьи – Измаилова и общественных представителей:
Камельковой, Свенстэна, Дюрик, и Гиббона, рассмотрев дело № 8 – 3587/ 95 от 06
июня 2295 года,

ПОСТАНОВИЛ

признать виновным ответчика Иванова Олега 21 сентября 2263 года рождения,
идентификационный номер 2109226328521 по статьям 105.3, 108.1, 235.1
«Всемирного Свода Законов и Правил, регулирования Миропорядка» от 23
декабря 2251 со сроком наказания – 15 лет ограничительного применения к
обвиняемому положений всемирной «Декларации о Сотрудничестве».

Учитывая смягчающие обстоятельства, считает возможным применить ст.
105.23; 108.17 и 235.16.

На основании вышеизложенного, Общественный Суд Элизия

ПРИГОВОРИЛ

Признать ответчика Иванова Олега 21 сентября 2263 года рождения
идентификационный номер 2109226328521 виновным и определить ему три года
ограничительного применения положений «Декларации о Сотрудничестве», а
именно Иванова Олега:

1. Перевести на нулевой социальный уровень ответственности с
соответствующим присвоением коэффициентов к ЧИВ.
2. В соответствии с разделом Y Всемирного Свода Законов и Правил
регулирования Миропорядка, принятых 23 декабря 2251 года, заключить
договор между Департаментом Юстиции, Правопорядка и Религиозного согласия
и настоятелем христианского монастыря отцом Окимием – (далее –
работодатель).
3. Направить сроком на три года на обязательные работы на должность
младшего помощника. Право определения должностной инструкции Иванова
Олега определить за работодателем в одностороннем порядке.

4. Произвести корректировку браслета обвиняемого в соответствии с ограничениями, установленными ему настоящим решением Суда, и разрешить ношение личного браслета.

5. Восстановить в правах Иванова Олега 05 июля 2298 года в 00:00. После предварительного рассмотрения дальнейшего сотрудничества Общества и обвиняемого с учётом характеристики и рекомендаций работодателя, к которому он направляется.

6. Ходатайство ответчика о расторжении брачного договора, заключённого между ним и его женой Ивановой в девичестве Сбруевой Феклиссой, отложить до восстановления ответчика в правах, учитывая несогласие Ивановой в девичестве Сбруевой Феклиссы на расторжение брачного договора.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Экран погас.

--

[i] идентификационный номер 2109226328521 – где, 21 – число, 09 – месяц, 2263 – год рождения. 28 – код места рождения, 521 – ежедневно обновляемый регистрационный номер в реестре новорождённых.

Глава 7. Мир отвергает меня

Поезд, чуть подрагивая, уносил меня в ночь. Куда? Зачем? Я лежал на верхней полке и смотрел в окно, где пространство распадалось на тысячи осколков: яркие стекляшки элизий – городов, тёмные нашлапки ферм, неуклюжие ящики предприятий – всё мимолётное на секунду проявлялось из чужого бытия и тут же бесследно исчезало в темноте. Земля стряхивала их с себя, и они разлетались, исчезали, как мусор, в трубе мощного пылесоса времени.

Вот и меня засасывает куда-то. И ничего не сделаешь. Думал ли я когда-нибудь, что такое возможно? Нулевой уровень! Я – ничто, я – мусор, меня нет. Я исчез из

жизни на целых три года! Может быть и навсегда. Возвращение возможно только по рекомендации моих надсмотрщиков, не зря же в решении суда такая оговорка. Как же теперь? Как я буду жить-то дальше? Копать ямы, мыть полы? И очень хорошо копать и отлично мыть. Ходить с опущенной головой, не смея лишний раз и слова сказать, чтобы не испортить будущую рекомендацию? Но даже для этой работы нужно иметь хотя бы третий уровень, – усмехнулся я. – А у меня нулевой. Я – изгой. Моё время остановилось. Я вычеркнут из общества, во мне больше не нуждаются. И не просто вычеркнут, у меня забрали всё: моё время и свободу им распоряжаться, право принимать решения, свободу быть самим собой, в конце концов! Я никто. Отброс общества.

«Моё время кончилось, время кончилось, время кончилось», – под едва уловимый стук колёс оглушительно билось в голове. В полубреду провёл я свою первую ночь в поезде. Он стал моим прибежищем, тесным и душным, подрагивающей на рельсах клеткой, в которую я был заперт вместе с ещё тремя десятками разновозрастных мужчин.

Я лежал на жёсткой металлической полке, которую остро ощущал всем телом. Не спасал даже матрас из тонкой синтетики, брошенный на неё плоским блином. Он хотя и был чем-то набит, но это что-то до такой степени истрепалось, что превратилось в скомканные плотные узлы. Не ночь, а пытка какая-то. Как не повернись, то узлы впивались в тело, то стылость лежака не давали уснуть. В вагоне холодно, но это не приносило свежести, не уничтожало запах. Этот запах! Тошнотворный, кисло-затхлый запах давно не мытого тела, неустроенности, безнадёги и несчастья. Он заполнил всё, и я сам уже пропитался им насквозь. Запах попеременно со стонами, всхлипами, кашлем, скрежетом зубов, шептанием, сопением и миазмами, испускающими десятками мужчин. Запах попеременно с обрывками сна, куда я на секунды проваливался и, вздрогнув всем телом, пробуждался, дико озираясь вокруг. Явь попеременно с бредом такой стала моя жизнь. Такой она и будет теперь всегда. Безнадёжность тоской сдавила грудь, слезы наворачивались на глаза. Только к утру я смог забыться.

Утром меня разбудил грубый окрик, усиленный громкоговорителем:

– Подъем! Подъем! Внимание всем. У вас тридцать минут до завтрака. Помывка. Уборка постелей. Места с первого по пятнадцатый – туалет и душевая в начале

вагона по ходу поезда, с 16 по 30 – в конце. Через тридцать минут душевые будут закрыты! – громкоговоритель кашлянул и умолк. А по вагону заходили конвоиры, со всех сторон слышались крики:

– Подъем! Подъем! – поторапливали они нас.

Арестанты, толкаясь и огрызаясь друг на друга, быстро выстроились в очереди. В душевые конвоиры впускали по четыре человека. То, что я увидел, когда очередь дошла до меня, так поразило, что отбило всякое желание воспользоваться ею, и я непроизвольно замер на пороге. Но толчок в спину и возглас:

– Давай быстрее, не задерживай! – избавил от колебаний.

Душевая комната была довольно большая и светлая. Слева под самым потолком во всю стену проходила решётчатая щель, через неё голубело небо, и лился яркий свет, напоминавшие, что где-то там сейчас лето. На стене под щелью-окном четыре душевые лейки над крохотными деревянными настилами и низкими пластмассовыми табуретами рядом. Напротив – четыре унитаза. А у противоположной от входа стены, четыре пластмассовых тёмно-синих железных стула. В такой же цвет были выкрашены и стены душевой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yanina_sabina/oleg-put-k-sebe

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)